

Миша Шрай

Щекотливые
Вопросы

Миша Шрай

Щекотливые вопросы

<https://litres.ru/74049043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Щекотальные Игрища продолжают! На матах Литиция защищает свободу королевства. Но за пределами арены её сердце бережат чувства — запретные, недопустимые для чемпионки гордой Феминистии.

Разве она не знала, что идёт бороться именно за это? За нежного ящера в шатре, чей голос больше не утоляет тоску. За выдворение вражеского капитана, в глазах которого кипит горький чай, что нельзя испить. За золотых самцов, не говорящих ни слова, и вопросы о которых... могут навлечь беду.

Её тело меняется, разум не слушается, и никто не может объяснить почему. Она должна состязаться, чтобы сберечь облик родного дома, для которого сама с каждым раундом становится всё более чужой.

Вторая книга эпической серии о Литиции, элитной чемпионке, чья искренность оказалась несовместима с реальностью.

Содержание

Глава 1. Чемпионки и самцы	4
Глава 2. Щекочи капитана!	27
Глава 3. Чужой внутри своих	68
Глава 4. Чистота одной девушки	103

Миша Шрай

Щекотливые вопросы

Глава 1. Чемпионки и самцы

Куда смотреть, к чьим разговорам прислушиваться, на какой из сотен камней, сложенных в гигантский амфитеатр присесть так, чтобы её не было видно, решала не она сама, а чужая воля внутри её головы. Это ощущалось, будто каждый нерв был прошит упругой нитью, за которую постоянно дёргали, заставляя обернуться, замереть, вдохнуть или выдохнуть.

— На неё сильно повлиял этот проигрыш? Первое поражение за десять лет. Не представляю, как чувствовал бы себя во время реванша на её месте. — Парень наклонялся к самому уху девушки, и шум болельщиков, окружавших ложу чемпионов, всё равно заставлял его кричать.

Вокруг них плотно сидела вся команда. Те, кто пережил первый раунд и не попал в плен. Литиция, невысокая девушка с пышным бюстом и длинными белыми волосами в пол, сидела рядом с крупным, прямоходящим ящером. Его чешуя отливала мокрым пурпурным блеском и явно заставляла девушку дышать чаще всякий раз, когда её взгляд снова ненароком скользил по его открытым коленям, спортивным ши-

роким бёдрам, толстому, но необычно короткому для ящера хвосту.

— Она не проиграла! — Перекрикивал её голос, звенящий, словно бутылки, толкающиеся в повозке. — И это не реванш! Тот мошенник ещё ответит за допинг на Игрищах! А Трифти была и будет непобедимой чемпионкой Феминистии!

В глазах спортсменки блестели искры. Под лёгкой блузкой часто вздымалась грудь. Могла ли она лишь играть в преданную фанатку? За зрительный нерв снова дёрнули. Пришлось приглядеться к мельчайшей мимике её лица. Губы закусывает, брови подрагивают, поднимаясь вверх, пальцы беспокойно перебирают тугую белую плетёнку, некий тканый рогалик, напоминающий прочный венок, но вместо цветов в нём атласные ленты.

Через секунду дрогнули магические сферы. Они парили на одинаковых расстояниях по всей арене, залитой светом. Их сияние переливалось вокруг оси, но стало пульсировать в такт словам, когда из них полился голос ведущей, усиленный дирижерской магией.

— Непобедимая чемпионка Трифти Оренэй!

Стоило над амфитеатром прозвучать её имени, как пространство всколыхнул взрыв аплодисментов. Литиция вскочила на ноги, прыгая в грохоте мужского воя и женского визга. Ящер остался сидеть на месте, но звонко хлопал в ладони, точно выбивал мокрое полотенце.

На сияющей арене, усыпанной сапфирами и каплями белого золота, прыгающей походкой показалась эльфийка. Высокая, с яркой улыбкой, в подвижном тумане, что клубился перед зрителями густым облаком, она будто и сама светила. Облако встречало трибуны её лицом, ярко-синими глазами, блестящими точно от слёз, и бархатными губами, что собирались в застывшую, почти воспалённую улыбку. Вокруг девушки кружились бабочки. Сотнями глазков они разглядывали икону большого спорта, пока дирижериня, стоя на балконе сразу под королевской ложей, выбирала лучшие ракурсы из увиденных насекомыми, и отправляла их на плотное облако.

— После истории с допингом она сама не своя, — прокричал ящер Литиции в ухо, когда она села на место. — Я нашёл тебя у её шатра сегодня утром, Литти. Мне есть, о чём беспокоиться?

Плетёнка в руках девушки закрутилась быстрее. Пальцы бежали по узелкам, будто спасались от кого-то. Она наклонилась к уху ящера, но из-за грохота болельщиков ей приходилось кричать:

— Ты никогда не думал, что у тренерини могут быть от команды секреты?

Тут же хвост парня застучал о трибуну, мелкой неконтролируемой дрожью. Жилка на его шее запульсировала, а глаза округлились. Острый рептильный взор мгновенно нашёл в поле зрения неприметного шмеля, и их глаза встретились.

Нерв мгновенно дёрнуло, точно щипком за струну: она обнаружена.

Чешуйчатые пальцы, такие же пурпурные, яркие и глянцево-розовые, как глаза девушки, впились Литти в бедро. Её непонимание он встретил лёгким кивком в сторону шмеля. Точно обнаружена. Пора улетать.

Наклонившись к лицу подруги так низко, что его нос зарывался в белые волосы, ящер прошептал что-то, и перед тем, как оставить их одних, шмель сделал рискованный крюк над головами чемпионов, чтобы услышать:

— Прошу, оставь это, госпожа моя! Я хочу быть верен тебе, но прежде всего — моя верность королевству.

Девушка не ответила. Её взгляд не терял матку шмеля из виду, пока та не улетела так далеко, что вся чемпионская лужа и ближайшие к ней болельщицы в синих платьях, длинных плащах, имитирующих отлив белого золота, с плакатами, с которых сияло имя Трифти Орендэй, не превратились в одну разноцветную кляксу.

***

Шмелиная матка приземлилась прямо на серебряный поднос. Его держали два кентавра, хранители камня. Девушка ступила на шёлковый коврик, постеленный специально для таинства. Галька под её туфлями промялась с тихим хрустом. В этот момент трибуны затаились.

Крупный кусок породы, размерами с две-три головы, лежал на подносе, под которым развивалась лёгкая скатерть.

Основная ткань под белое золото, как и на каждом знамени королевства, а в центре — неизменный сапфировый светоч. Перед соперником Оренэй артефакт лежал на таком же убранстве. Одновременно две пары хранителей приподняли подносы ближе к лицам состязающихся. Неровный осколок, пахнущий мелом, напоминавший обычную известь с множеством мелких пор. Кусай, где хочешь.

Соперник, нервно потряхивающий руками, с крупными ладонями и плечами, на которых натягивалась рубашка, шумно потянул носом и вгрызся в артефакт, как волк в пойманную добычу. Он явно знал, что делает. Едва уместив кусок во рту, он стал смачно жевать, обслюнявливать каждый кусочек. Плечи Трифти сами дёрнулись, желая сбросить увиденное, как обрызгавшую грязь из-под колесницы. И как только Трею удалось выдать себя за брата в злополучном предыдущем раунде? Кроме рыжих волос в них совершенно ничего общего! Этот тяжеловес вульгарен, черты лица грубые, взгляд тяжёлый, словно молот, способный проломить череп. Даже его охотничий костюм с медвежьей шкурой был скучным, как и всё его королевство Маскулистан. Ничего щекотливого!

На блюде, которое на фоне мощных плеч чемпиона казалось крохотным, парень плюнул получившийся камень. Гладкий, напоминавший обычный речной булыжник. Он твердел на глазах. Жаль. Лучше бы партнёра заменили, тогда не пришлось бы щекотаться с этой горой мышц и самолюбо-

вания. Спортсмен обернулся на Трифти с ядовитым, надменным оскалом, одним из тех, которые можно поймать лишь в грязных районах и после которых хочется отпариться в купели с губкой.

— Не захворали, госпожа Ореэй? — затаившись, словно на охоте в лесу, шепнул один из хранителей.

Слова укололи внезапным шипом. Нет, они просто не могут этого знать! В мыслях пронёсся шатёр пленных, прошитый грубым швом посередине, бамбуковые решётки, взгляд того, кого пришлось заклеить мошенником. И его сухие губы, произносящие: «они знают, что я в тебя влюблён». Она сглотнула ком в горле. Нет никакого «влюблён»! Есть только хворь, есть лечение, и есть артефакт, который не позволит хворой чемпионке ступить на маты.

Мелкие чёрные дырочки камня глядели на неё, точно глазки насекомых. Сотни маленьких наблюдательниц, способных пролезть в самую запрятанную, завёрнутую в несколько свёртков мысль. Нет никакого «влюблён». И она не хвора!

С силой её рёбра вытолкнули из груди выдох. Она прикоснулась губами к известковой поверхности. Так нежно, будто целовала крыло бабочки. Осторожно её зубы собрали податливую, крошащуюся, как тёплый песок, породу и стали разжёвывать. Молочно-творожистые кусочки слипались на зубах с характерным несъедобным привкусом — слегка земляным и... сладковатым. «Не хвора, не хвора». Под чёлкой

медленно сползались капли пота и становились всё горячее. Аккуратно она протолкнула языком получившийся камень на блюдечко. Цельный. Твёрдый. Совсем, как речная порода.

Порыв ветра охладил открытые лопатки, под которыми сходилась корсет. Не хвораю. Точка. Волна аплодисментов вновь захлестнула амфитеатр. Топот, возгласы, будто она уже победила. Сферы на высоких стенах арены, занявшись игривым мерцанием, усиливали слова ведущей, что пророчила победу эльфийки. Она глубоко вздохнула, но образ пленника, его потрескавшиеся губы, сложенные в неуместную, лишённую обиды улыбку, не шли из головы.

— Позвольте нанизать на Ваши оральные бусы, госпожа? — предложил хранитель.

С другой стороны матов Корвал развернулся спиной к хранителям, позволяя развязать бусы и добавить к ним новый камень. Поверх его рубашки в три ряда побрякивали нити, увешенные гладкими камешками.

— Спасибо, я не ношу, — отказалась эльфийка и добавила чуть громче, для противника: — Мне не требуется доказывать статус.

Маленькое туманное облачко, что густилось под балконом ведущей, озарилось свечением, идущим из его глубины. На нём засиял отсчёт. Начали!

Ботинки Корвала ступили на маты, широкое, туго натянутое полотно ринга, чуть возвышавшееся над сияющей серебряно-синей галькой арены. Не сводя с чемпионки взгляда,

контролирующего, пущенного исподлобья, парень разминал плечи. Девушка ступила на мат мягко. Сразу стопы начали уводить её танцевальным движением по контуру, приглашая партнёра в игру. Чемпион следовал за ней. Хищно и уверенно, совсем не как его брат. Тот входил, словно в таинство. В ушах вдруг снова воскресло эхо сфер, что усиливали хохот толпы, когда Трей поклонился ей перед состязанием. Так вот, почему он это сделал! Ведь он же не чемпион! Губы дрогнули в лёгкой улыбке, но тут же грубый рывок с треском вырвал её из воспоминания. Горячие пальцы Корвала вторглись в щель между корсетом и грудью, чтобы дёрнуть спортсменку.

— Любишь рыжих, эльфийка?

Лицо обдало несвежим дыханием. Он схватил её резко, как стог сена, и тут же стал щекотать. На сгибе плеча и шеи, в подмышках, в боках. Но щекотно не было. Только противно. Торопливый голос, сдавленный, будто с забитыми пазухами, шипел угрозы, перемешанные с обещаниями и фантазиями. Но девушка слышала только трибуны. «Трифти, ты лучшая!» То же, что шептал Трей. Его шёпот, словно глоток свежего бриза... Как же дико, нестерпимо сильно сейчас его не хватало!

Руки толкнули её, желая свалить на маты, но она увернулась, словно в танце. Партнёру пришлось угодить лицом в полотно. Сверху она водрузила на его оголённую грудь каблук. Публика зашлась визгом. Ветер растрёпывал короткую

стрижку, словно магический поток на приёме у мастерицы портретного искусства. Эльфийка позировала. Соперник же стал щекотать её голень. Неплохой ответ! Ямка под коленом откликнулась, но стоило взглянуть на того, кто её касался, и весь щекотливый дух растворился, как дым.

Она оседлала противника. Бёдра в стороны, поза устойчива.

— Сама в мои руки? — Корвал дёрнул бровями.

Не успела она завершить манёвр, как парень схватился за её корсет и с хрустом, будто переламывал рыбий хребет, разорвал его в клочья. Трифти ахнула. Но теперь с одежды болталась ненужная тесьма. Не думая, спортсменка вытянула её из покошенных крючков и связала противника.

Но стоило маленькой внутренней эльфийке весело рассмеяться, в голове тут же проступал образ Трея, оттаивал, как заледеневшая мозаика на стене, которую осветило весеннее солнце. Его аккуратные робкие касания, полные чистого любопытства глаза, беззлобный смех и этот голос... свежий, словно утренний шелест листвы, только проснувшейся за окном. «Где тебе щекотно, когда никто не видит?» Воспоминание укололо глаза. Трифти невольно отвернулась. Этого хватило, чтобы соперник успел высвободиться. Раньше, чем девушка осознала, её руки перехватили атаку в паре сантиметров от шеи. Каждое нападение её пальцы перенаправляли, куда ей было нужно. В ответ на его напряжённый пресс — щипок пупка, по высунутому языку — мягкий щелбан,

тянется к её груди — получи щекотание подмышкой! Чем агрессивнее пытался выглядеть партнёр, тем громче смеялась публика.

Туманное облако, закрывавшее верхние ряды трибун, светилось изнутри и показывало лицо чемпионки. Одна из бабочек мельтешила крыльями прямо перед лицом, будто специально. Недолго думая, Оренэй нагнулась прямо к её глазкам и послала воздушный поцелуй. Её движение сразу же отобразилось в облаке. Болельщицы завизжали со всех этажей амфитеатра, и даже гости, пришедшие поддержать Корвала, застонали щекотливой истомой.

Бабочка улетела. Тело, заряженное моментом, её тренированные пальцы, губы, щекотали противника без труда. Его дыхание приближалось к пику, а публика вопила так, будто каждая из зрительниц лично дёргалась под спортсменкой. И только внутренняя эльфийка забиралась всё глубже, угасала, словно залитая собственным воском свечка, которой оставили слишком мало кислорода. Трифти ещё раз оглядела арену. Сверкающую гальку, окрашенную под драгоценности, царскую ложу далеко впереди, оцепленную двумя рядами стражниц, изнывающего чемпиона под её ногами, которого бы она ни за что не коснулась, если бы не эти Игрища. Её ногти выполняли работу, пробегая по вспотевшей горячей коже. На глазах чемпиона стояла пелена. Такая же, как у любого спортсмена за минуту-две до поражения. На глазах внутренней эльфийки стояли слёзы. Крохотные хрустальные

капельки в зрачках куклы, которая больше не хотела играть.

Вот и всё. Она доведёт до рефрактерной точки любого. Но кто доведёт её? Сквозь время и память её запястья будто бы снова коснулась тёплая ладонь Трея. Над самым ухом прозвучал его шёпот, застывший в воспоминаниях, такой тихий, что услышать можно было лишь прижавшись к самым прутьям: — «Я ни о чём не жалею». Парень, потерявший всё из-за её преданности королевству, из-за её лжи, рисковал последними днями покоя, чтобы к ней притронуться. И его, единственного, кто искренне желал с ней познакомиться, она обвинила в мошенничестве, обрекла на *обезличивание*, но кажется, обрекла и себя — на полную телесную тишину. Лишь подтверждая её мысли, пальцы соперника скользили по складкам юбки. И не вызывали в ней ничего.

— Ты совершенно не похож на своего брата, — прошептали её бархатные губы, и в облаке тут же возник их крупный план. — Он никогда не станет таким, как ты.

— Ох, Трифти! — застонал парень и схватился за её талию.

Его движения стали рванными, нетерпеливыми. Он дёрнулся в порыве уложить её на лопатки, но больше это не был жест доминирования. Каждое движение чемпиона умоляло позволить ему проиграть. Девушка обняла его ногами и лишь двумя пальцами пощекотала за волосами. Лёгкое, короткое движение, и гора мышц, вздыбившаяся над ней, зашла судорогой. Ещё через секунду тело рухнуло на неё, как

кит, выброшенный на берег.

Готов? Чемпионка оглянулась на малое облако под балконами. Отсчёт времени остановился. Тут же публику взорвал грохот рукоплесканий.

Трифти поднялась на ноги, поправила юбку и растрепавшиеся, чуть взмокшие волосы. Влажные пальцы слипались между собой. Она взглянула на них, но видела будто впервые. Дрожащие и грязные, они блестели под мерцанием сфер, что вибрировали, усиливая грохот с трибун. Этот шум, эти овации были только для неё. Но подобно вздыбившемуся морю, что хлестало волнами, только топили, давили, не давали вздохнуть.

Девушка бросила взгляд на царскую ложу, далеко за арену, на высокий балкон, где золотой трон отрубал летящие лучи солнца и отражал их во все стороны сияющим веером. Королева Виктория в пышном платье цвета морской волны, с высоко зачёсанными чёрными волосами, восседала не шелохнувшись. Руки на коленях, подбородок чуть выше, чем этого требовал бы обычный, ничего не выражающий взгляд, молчание. Никаких приказов советнице. Её лица спортсменка не видела с такого расстояния, но ей казалось, королева выглядела довольной. И пусть! Королеве ни к чему знать, что её самая послушная игрушка сломалась, что один рыжий парень притронулся к той части неё, о которой она не подозревала, и раскрыл тайну, которую обратно не запечатать — она живая.

Тысячи голосов скандировали её имя, стучали ногами, заставляя камешки на арене гудеть. «Триф-ти! Триф-ти!» Ветер колыхал её волосы, сбрасывая розовые пряди на брови. Остывающая после раунда кожа покрывалась мурашками, но не из-за криков толпы и не от прохладного ветра. А потому что в груди билось также настойчиво, отказываясь замолкать, воспоминание. Рыжие волосы, вихри в небе, вкус пота после раунда на губах и его глупое несуразное предложение: — «Давай сбежим вместе?»

***

«Золотая аллея. Вход строго для чемпионки и главушки губернии. Предупреждение: обычные жительницы не справятся с щекотальным напором золотых самцов!» — гласила вывеска у входа в заповедник.

Из-под плотной розовой мантии девушка показала лишь ладонь, татуированную белыми и чёрными числами — личным журналом истинной чемпионки. Ворота распахнулись перед ней, словно двери в райский сад. Шелестящие маковые клумбы клонились под ветром, словно морские волны, гладили друг друга в полуденной тишине. Аккуратно выстриженный газон, такой яркий, будто игрушечный, рассекала извилистая тропинка. Мягкие потоки воздуха заправляли длинные волосы за плечо. Их ртутный блеск привлекал взгляды, десятки зачарованных мутных зрачков.

Литти была единственной, кто потревожил тишину заповедника. Бесшумно её туфли ступали в травинки, стоявшие

подстриженными пиками, будто миллионы крепких ручонок неведомой цивилизации, что служила лишь её ногам. Редкие скрипы, с которыми крупные мужчины раскачивали тренажёры из брёвен и цепей, постепенно затихли. Мускулистые фигуры, обтянутые в золотую, будто змеиную кожу, превосходящие девушку размерами в два и три раза, неспешно обступали её со всех сторон. Белые глаза, в которых лишь слегка проступали помутнённые зрачки, разглядывали её с интересом, отражавшимся то в наивном наклоне головы, то в притаившейся осанке, то в замороженно приоткрытой челюсти. С Молочных озёр дул лёгкий бриз, приносил сладковатый аромат, напоминающий чем-то миндаль.

Самый смелый из самцов шагнул к Литти навстречу. Робко, в полунаклоне, словно спрашивая разрешения. Чемпионка переложила плетёнку в левую руку, а правой поманила смельчака, осторожно, как бездомную собаку.

«Ты понимаешь, что он неразумный?» — вскричало в голове эхо позапрошлой ночи.

«Золотые самцы самые разумные! Они понимают тебя на уровне мыслей!»

Воспоминание ударило по ладони, точно строгая учительница, и девушка тотчас опустила руку, выпрямилась и взглянула самцу в глаза. Тот вздрогнул от её резкого движения и надолго замер. Зрачки, размытым пятном проступающие сквозь бельмо, не дёргались с места, изучали её.

— Давай же, — шептала Литиция, — ты знаешь, что я

неопасна. Ты знаешь это. Так ведь?

Самец сделал неуверенный шаг. Массивная золотая стопа оставила за собой пятно мятой травы. Взгляд девушки тут же проследил вереницу крупных следов. Она вела до поляны с тренажёрами. Там островок, усыпанный песком, собирал в тенишке раскидистого дерева широкие штанги с необтёсанными брёвнами, висящие на разной высоте железные кольца, где золотые силачи с утра до ночи могли тренировать свою удадь. Все следы выходили оттуда. Словно до появления девушки ни один самец не покидал пределов небольшой песочной поляны.

Теперь же все как один они медленно собирались вокруг неё. Самый главный, блестящий под полуденным солнцем чешуёй, точно чудный ящер, шаг за шагом подбирался к ней, не решаясь до конца разогнуться. Литиция распахнула мантию. Не всю. Ровно столько, чтобы привлечь внимание самца. Под свободным мешковатым платьем, будто качаясь на воде, подпрыгнула её грудь. Самец наклонил голову. Знакомый жест? Словно копируя её поведение, он выпрямился и неожиданно уверенно шагнул навстречу. Плечи Литти игриво дёрнулись. Скала мускулов двигалась на неё, заслоняя солнце. Всего в несколько шагов громада преодолела расстояние и нагнулась к лицу гостьи вплотную. Один вздох любопытных ноздрей, и лёгкое платье чуть не сдуло с плеч. Белые волосы разлетелись по сторонам. Волна невидимых искорок сбежала по её шее, через всю спину и до самых бёдер,

заставляя напрячься. Щекотливо!

Грудь вобрала глоток воздуха. Большой и жаркий. К её запястью потянулись блестящие пальцы, и когда их ласковое касание скользнуло по руке вверх, оно оказалось холодным и влажным. Совсем как у ящера.

Стоило самцу притронуться к её коже, его сородичи, точно по приказу, шагнули к ней. Их кольцо сжималось плотнее. С каждой секундой любопытных глаз становилось всё больше, как и бархатной прохлады их рук. Быстро весь заповедник и розовое небо над головой скрылось за золотыми чешуйками. Тело не успевало понимать, сколько ладоней к нему прикасаются. Сколько гладит, исполняя свой долг, щипает, словно пытаясь угодить, тычется, будто неумело пробуя на вкус. В движениях мокрых пальцев, таких разных и разбежавшихся по всему её телу, проступала лишь одна общая деталь — они не щекотали её, а изучали. Будто не понимали, что им с ней делать.

— Так хватит, хватит! — Литти сбросила плечами эти тычки.

Самцы замерли. Главный гигант услужливо склонил голову. Тело прижалось почти до земли. Неестественно. Чрезмерно. Плечи девушки сжались от этого вида, а пальцы сцепились на плетёнке, будто создавая барьер между ней и самцом. Все остальные молча последовали его примеру. Синхронно, словно танцоры, они отступили на шаг.

— Литти? — знакомый голос, тонкие струны арфы,

окликнул со спины.

За воротами, окружённая длинными клумбами маков стояла высокая фигура, скрытая такой же ярко-розовой мантией.

— Трифти! — Распугав самцов, девушка бросилась через весь заповедник в объятия подруги. В зачарованной тишине удары её туфель отзывались, будто хлопки в горной долине. С разбегу она влетела в худую чемпионку, едва не сбив с ног. — Я ведь сказала, ты победишь!

Руки сжимали её так тесно, словно пытались слить их обеих в один комок. Чем сильнее она сдавливала жилистые плечи, тем беспомощнее самой себе казалась. Нос тёрся о горячую шею девушки и всё глубже вдыхал запах сирени, исходящий от липкой кожи.

— Не кричи так, — шептала подруга, укрывая их обеих мантией. — Я еле улизнула от этих дурацких поздравлений! Ты как, чёрт дери, оказалась здесь? Я весь лагерь обыскала! — Отдалившись от настойчивого объятия, эльфийка строго взглянула подруге в глаза. В этот раз ей не понадобилось и секунды магии. Она поняла всё по одному робко спрятанному взгляду. — Хорос помог улизнуть? Удобно всё-таки иметь под боком ящера. Гонцы, прислуга, охрана — все самые необходимые связи под рукой. Ты поэтому решила взять его в затенья?

Снова ногти ковыряли плетёнку, а глаза так сложно было поднять.

— Эй, я шучу! — Горячие пальцы подруги заправили прядь волос за ухо и натянули капюшон, чтобы закрывал лоб. — Ты молодец, что нашла способ его контролировать. Нельзя, чтобы он рассказал о той ночи. Но Литти... как ты могла снова покинуть лагерь?

— Госпожа Ганлая всё равно знает о нашей вылазке! — лишь на секунду голос обрёл уверенность, но тут же девушка вновь ссутулилась. Взгляд дёрнулся по сторонам, сквозь сгущавшуюся толпу золотых самцов, медленно обступающих чемпионок, и она перешла на шёпот. — Я там чувствую себя в капкане. Даже хуже, как в какой-то непонятной ловушке. Нельзя подделывать тату, но ей, как первой советнице, можно. Нельзя покидать пределы фестиваля, но той ночью, оказывается, можно. Нельзя заключать союзы до конца Игрищ! — Резким движением рука дёрнула плетёнкой ящера в воздухе. — Но если под её присмотром, то можно!

Эльфийка мягко спустила подруге задравшийся рукав. Так плетёнка снова оказалась под мантией.

— Ты плохо понимаешь методы госпожи, — пригнувшись ближе, отвечала она. — Наша тренериня не будет говорить тебе, что делать. Не жди от неё похвалы или детальных инструкций. Иногда она может закрыть глаза на мелкие проступки. Но если ты ей надоешь, она от тебя избавится. Не стоит её злить.

Высокие золотые тени всё плотнее смыкали круг. Уже из-под капюшона, сильно ограничивающего обзор, Литти виде-

ла, как тесно их обеих обступили самцы. Нерасторопными, медвежьими шагами они шаркали по колючей траве, подбираясь ещё ближе.

Трифти, смущённо выглянув из-под мантии, распушила чёлку. Под розовой тенью капюшона та наливалась блеском, словно спелая ягода.

— Я бы так не обольщалась, — прошуршал голос Литти, похожий на быстрые лапки мыши, шмыгнувший под половицу. — Мне кажется,... Бул был прав насчёт них.

— Бул? — Подруга вытянулась. — Литти, он капитан вражеской команды! Он что угодно скажет, чтобы подорвать твою веру в себя или в королевство! Помнишь, что он придумал об Игрищах? «Ваши мужи прислали гонца с просьбой о спасении!» Какой вздор! А сами желают захватить наши губернии! И ты ему веришь?

Морская синева бурлила в её зрачках. Грудь часто и недовольно вздымалась. Прозвучавшие слова осыпались на девушку тяжёлыми комьями глины, под которой становилось трудно дышать. Но было и что-то ещё. Золотые самцы. Безмолвными, заплывшими зрачками они разглядывали чемпионку с каким-то первобытным любопытством. Ей ведь это не мерещилось! Горячая и тяжёлая хватка сдавила ей горло, перекрывая слова, бесполезные, и заставляла действовать.

Насупившись, Литти дёрнула волосами, отворачиваясь к толпе наблюдателей. Суетливыми шагами она растолкала самцов. Но одного взяла за руку. За холодное влажное за-

пястье она утянула его за собой. Намного увереннее, чем до появления эльфийки в заповеднике, остальные проследовали за парой. Чемпионка стала гладить золотое чешуйчатое ухо. Тотчас сородичи потянулись за порцией ласки. Она мягко оттолкнула массивную грудь, и толпа самцов тут же отступила.

Литти всплеснула руками. Голову кружило открытие сродни научному достижению. Но единственная наблюдательница только неловко нахмурилась и сложила руки на груди.

— Бул говорил, они неразумные! — вскрикнула Литти. Ноги засеменяли к подруге, и снова голос её свернулся, точно маленький дрожащий зверёк. — Я думаю, он был не так далёк от правды. В них есть разум, но... это один разум на всех.

Собственные слова заставили холод сбежать по лопаткам. Вместе с прозвучавшим едва слышным шёпотом зловещая мысль стала реальной. Статные мужчины, крупные и здоровые, лоснящиеся, будто масло на солнце, потеряв секундную приманку в виде чесания за ухом, общим стадом побрели к тренажёрам. В глазах подруги Литти нашла отражение собственной тревоги.

— Магический двойник? — перешла та на шёпот. — Но нельзя же сделать столько двойников. Это невозможно. Их же тут несколько десятков, и это только в одном заповеднике! А сколько в столицах других губерний...

— Я знаю, но ты сама подумай! — Литиция шагнула к эльфийке вплотную, и они вместе провожали взглядами сияющие модельные спины. — Ты сказала, что говорить с главушкой губернии — это «будто со сферой». Посмотри на них. Они сами не свои. И да, мне тоже раньше это казалось божественным, но после реакции тренерини... что, если это не особенность божества? Что, если с их разумом... правда что-то не то?

Лучшие самцы королевства вернулись к тренировкам. Поднимать брёвна, от веса которых прогибались штанги, было для них развлечением. Кто-то растягивался в подвесном обруче лучше любой акробатки, а кто-то неуклюже шлёпался на массивные бёдра прямо перед маками и мгновенно переключался на ароматы, забыв, чем был занят секунду назад.

— Главушки не могли бы нести яйца от двойников... — пыталась опровергнуть Трифти, — всё потомство бы стало...

— Ненастоящим! — воскликнула Литти, будто всхлипнула. — Именно это ты и сказала о главушках! Они «будто ненастоящие»! Так они же сами — их потомство! — Её палец указал на самцов.

— Ты думаешь, что вытянутые яйца, то есть будущие мальчики, относят во дворец, чтобы...

— Питать первоначального самца. — В словах Литти отзвучал ледяной хруст. Тишина, что повисла за ним, была пронизана заgrabным инеем. И чем дольше она тянулась,

тем глубже забирались его острые осколки под кожу. — Поэтому это возможно — иметь сразу так много двойников и не развалиться. Он получает постоянную прикормку за счёт новорождённых двойников самого себя, потому что они всё равно... ненастоящие. И поэтому они ведут себя так одинаково. Первоначального самца, носителя разума, просто не хватает на них всех. Он должен постоянно находиться в полусне. Я думаю, его держат где-то во дворце.

— Я не знаю, Литти. Это всё звучит как безумие. — Трифти отступила по колкой траве на шаг.

— Потому мы и должны это выяснить! — Обернувшись к подруге, Литти замерла.

На неё словно смотрела незнакомка. Те же ярко-голубые глаза из-под розовой чёлки, те же острые плечи-колючки, то же родное лицо. Но будто скукоженое. Губа опасливо прикушена, скулы сжаты, брови застыли в немой просьбе, которую нельзя озвучить. Тень страха спускалась ей под капюшон, превращая лицо в подобие старого яблока, жизнь в котором высохла.

— Трифти? — Литиция шагнула к ней, неторопливо взяла её за руку. — Я тебя напугала?

Тут же подруга сдавила её в объятии. От резкого удара воздух выпрыгнул из груди. Горячий, но неразборчивый шёпот, будто свистящая струя чайника зашипел прямо в ухо:

— Госпожа наказала мне воспитать тебя! Подыграй, Литти, стрекозы кружат прямо над тобой!

Отстранившись от неё так же резко, эльфийка неестественно засмеялась и стала громко сетовать на каблук. Её дрожащие пальцы принялись возиться с ремешком туфель, пока Литицию заливало свинцом. Холодный тяжёлый металл наполнял её кости, заставляя каменеть сухожилия одно за другим, точно стянутые морозом струны. Перед лицом снова возник образ госпожи. Её проникающий взгляд, её безмолвное разрешение исчезнуть, после которого девушка растворилась в шатре. Первая и последняя попытка поговорить с госпожой о самцах.

— Мы все переволновались из-за дополнительного раунда, так ведь? — проскрипел выше обычного голос эльфийки, когда она сняла обувь, будто непригодную больше. — Уверена, маскулистанцы сейчас расслабятся где-то на фестивале! Может, и мы заслужили отдых?

«Кафетерий!» — вонзилось в голову стрелой. Вот, где уединение не будет казаться странным, а стрекозам не удастся подслушать их!

— Да! Точно! — Слова вспрыгнули неестественно, будто Литти училась говорить заново.

Она поймала напряжённый взгляд подруги: не смотри вверх, не смотри. И тогда над головой отчётливо послышалось жужжание. Стрекозы. Дозорные.

Глава 2. Щекочи капитана!

Ботинки топали по бархатной обшивке настила, что шёл узкой рыночной улочкой и под которым хлюпала грязь. Молочные озёра? Молочные болота! Бул, щурясь от яркого солнца, потянул носом. От мутно-белёсой воды поднимался запах пересахаренного марципана. Ручейки текли под настилом между палатками фестиваля, находя дорогу в гуще снующих гостей, подложенных досок, пропитывая стойкой сладостью бархат ковра.

— Опять вся обувь пропитается молочком! — ворчала команда. — Я к ботинкам уже притрагиваться боюсь. А в буклетах писали, тут есть паразиты!

— Это придонная хризантема, — вчитываясь в указатели, бросил через плечо Бул. — Она лечит. Под паразитами они имели в виду нас.

Команда за спиной не умолкала. Обойдя толкотню, он шлёпнул ботинком мимо настила, пробираясь ближе к деревянному стенду. Взгляд впивался в плавающие в тканых объявлениях чернила. Напоминания о правилах поведения, приглашения на концерты. Большинство из плакатов на этих застиранных тканях сопровождалось изображениями. Плавающая на листьях, как сгустки сливок в кофейной чашке, чернила рисовали танцы, брызги откупоренных бутылок, радостные лица. Напоминало это детскую книжку «маленький

я, большой мир». Но в верхнем углу под порывами ветра трепыхался совсем неприметный листок, без изображений. Текст его едва поддавался прочтению.

— «Найтись об фестиваль», — тянул Бул по слогам, расшифровывая каждую букву, — «избегая светоч мудрости». Что за бред?

Глаза, измученные ярким солнцем, сощурились до двух узких щёлок. Какой ещё светоч мудрости, это какая-то шутка?

— Далеко ещё до таверны, Шигал? — вскричал за спиной напарник.

Бул обернулся к команде. Вспотевшие под тяжёлыми шкурами парни, все в волдырях от укусов толкались, перекрывая узкую улочку. Задавленные лавками, где шипящие на сковороде каштаны давили на уши, а едкий сахарный запах заползал в мозг, они утирали пот со лба и грузно пыхтели.

— Достали их знамёна! — рывком Боршер, кентавр с заплетённой в толстые косы гривой, сдёрнул с ближайшего шатра ярко-синюю ленту.

Тут же две женщины отделились от общего потока. В одинаковых безрукавках и струящихся серебрянных штанах, они двинулись к заблудившейся группе. От их плывущего шага мороз сбежал между лопаток. Плечи выпрямлены, движения зеркальны, глаза не моргали.

— Привяжи... обратно, — тихо приказал Бул. Инстинктивно он обернулся за спину, и увидел, как с другой сторо-

ны на парней надвигается ещё пара женщин, сквозь шумную толпу прямо на них.

Спортсмен растерянно исполнил приказ. Как только его пальцы занялись узелком, женщины влились в уличный поток и растворились в плывущей массе гостей фестиваля, словно бы их и не было. Голоса посетителей, их смех, топот ног сразу вернулись на место. Рукавом капитан обтёр взмокшее лицо.

— Молодых самцов интересуют патриотические броши? — добродушно окликнул хозяин палатки. Это к балке его шатра Боршер привязал ленту. Щуплый гном так неприметно стоял за витриной, что случайно заметить его было невозможно. На скатерти перед ним лежали десятки серёг, браслетов и брошей. Но все они выглядели одинаково: сложенные вместе ладони из белого золота, возложенный в них сапфировый камень. Толстыми пальцами продавец подцепил украшение. — У этих сапфиров особая огранка! Как символ мудрости, что предлагает Феминистия... — Он резко взял паузу, словно его перебили. Но никто из спортсменов не проронил ни слова. И вдруг гном нахмурился. Аккуратно, словно маленького ребёнка, пухлые руки вернули брошь на место, и заметно осипшим голосом мужчина заговорил совсем с другой интонацией: — Вы из Маскулистана. Я могу продать вам драгоценности, если желаете, но вы должны знать, как с ними обращаться.

— Светоч мудрости... — задумался капитан вслух.

Завязанная на балке лента шелестела на лёгком ветру, невинно внушая ему верную мысль. Чемпион вгляделся в ряды палаток. Высокие колья. На них были привязаны яркие ткани. Розовые и медово-жёлтые купола шатров, зелёные, с узорами. А на кольях — маленькие ленточки. Синие. Прежде он не замечал, то теперь они выстроились в чёткую вереницу указателей. Волосы зашевелились на затылке. Бул отошёл на шаг от шатра с украшениями. Впереди валил плотный дым. На палатке, из-под которой он выбивался, висела синяя лента.

— «Найдись об фестиваль»... — пробормотал он, игнорируя вопросы команды. Неровным шагом, всё ускоряясь, ноги поспешили вперёд. Сквозь толпу платьев и блёсток. — «Избегая светоч мудрости». То есть, «потерялся на фестивале, следуй за синими лентами»!?

Потная рука хваталась за столбы. Натянутые на них платки-крыши вздрагивали. Редко оглядываясь за спину, ведя следом команду, Бул следовал указателям. Мимо разговоров ящеров и хохот облепленных блёстками, полураздетых парней. Руку каждого туго стягивал венчик из атласных лент. В браслете каждой прохожей, в приветствии каждого зазывалы теперь виделся сговор.

Трепыхаясь, ленты вели его вглубь. Их блеск оказывался всегда за самыми неприметными поворотами, куда сам парень бы ни за что не завернул. Между палатками, за пробинами бархатного настила, мимо низко натянутого блёкло-

го полотна, под который свалили забродившее тесто. Сквозь арку кислого запаха, будто сквозь тайный проход в другой мир.

— Далеко ещё до таверны, Шигал? — простонал за спиной напарник, когда они только вынырнули на широкую площадь, где теснились двускатными крышами высокие срубы. Таверны предлагали разную музыку внутри и блюдо дня на любой вкус. Общее между ними было лишь оформление: дряхлые вывески тёмной расцветки, нарочитая неотёсанность, а перед входом столбы. К каждому привязывали канат, уводящий обратно на фестиваль. Так мужи, допившись, могли бы вернуться в лагерь.

Но была и другая сторона площади. В узком проходе между заведениями прятался кафетерий, чистый, окрашенный в бледно-жёлтый цвет. К нему не вело никаких канатов. Рядом стояли вазы с гладиолусами, а окна не были затянуты бычьим пузырём. На них были настоящие стёкла. Туда Бул и указал команде.

— Теперь всё поменяется, — твёрдо заявил он. — Сегодня мы не будем пить! На носу второй этап Игрищ! И мы пойдём в кафетерий!

— Капитан! У нас только что пленили товарища, — заметил кентавр. Спортсмены расступились, давая ему пройти вперёд, и каждый потупил взгляд в свернувшуюся грязной паклей тропинку. — Нам нужно расслабиться.

— Вот именно! — В ответ Бул взмахнул руками. — У нас

только что пленили товарища! Не время расслабляться! Вы не замечаете, как эти женщины влезают в наше сознание? Мы живём тут, как свиньи в загоне! Думаете, в таверне вам нальют то же, что их мужам? Моим словом мы идём сегодня в кафетерий!

Он развернулся и двинулся через всю площадь к узкому проулку, за которым качались гладиолусы. Его шаги шлёпали мокрым эхом, одиноко стучащей парой ног. У самого прохода чемпион обернулся.

Между ним и спортсменами пролежала грязная дорога. На цыпочках её перебежали девушки, увлечённые личной беседой. Их смех разразился прямо перед лицом капитана. Лишь его отзвук завис в густую тишину площади, когда незнакомки скрылись за поворотом к кафетерию. Серые заведения обступили команду чужестранцев, как декорации в детском театре. Тени тяжёлых туч ползли по грязи. Бул насупился. Его взгляд перемещался от одного чемпиона к другому, каждый из которых спешил отвернуться, и в итоге упёрся в Вилену. Тот смотрел на него в упор, будто и сам ждал ответа.

Высокий и сухой, с ровной линией угловатой бородки, он первым шагнул к капитану. Каждый шаг чавкал язвительно, словно этим звуком парень вычёркивал имя Була в лестнице иерархии и устанавливал новый порядок. Его путь через улицу длился вечность. Кожа Була успела обрасти тесным панцирем. Челюсть сдавило. Едва не подвинув капитана, Вилен встал рядом, и обратился к команде:

— Мы все ждали триумфа. А получили досадное поражение. Потеряли одного из лучших чемпионов. Мы расстроены. Но не сломлены. Эти женщины хотят, чтобы мы напились и потеряли щекотливый дух. Думаете, они просто так поставили реванш с Оренэй, — её имя он произнёс, будто отхаркивал, — с самой Оренэй всего за пару дней до следующего этапа? Нет. Они ждут, что мы потеряем хватку. Но мы сильнее. Мы соберёмся и доведём их до пика!

— Да! До пика! — вдруг вскричала команда единым порывом и вскинула вверх напряжённые пальцы, — Во имя моего королевства!

Клич раздался так внезапно, что мышцы сжались, как под ударом. Вилен развернулся лицом к капитану, но не сказал ни слова. Всё сказали его глаза. Строгие, напряжённые, как в ту ночь. Но больше не ждущие приказа. Под этим взглядом кулаки сжимались. «Что мне было делать!?» — кричало нутро жалкое оправдание, и лишь сдавливало грудь ещё сильнее.

Вилен отвернулся и зашагал к кафетерию. Команда перешла дорогу, чтобы двинуться за ним.

Под тяжёлой шкурой к спине липла рубашка. Бул дёрнул плечами, когда за последним чемпионом дверь в кафетерий захлопнулась перед его лицом. Хлопок оглушил, как холодная вода, выплеснутая в лицо. С долгим напряжённым вдохом он потянулся за ручкой, и тут же за неё схватились женские пальцы. Оба дёрнулись.

Перед ним стояла Литиция. Неизменно широко раскрытые пурпурные глаза, словно всё, что она видела перед собой, её удивляло. Мокрые приоткрытые губы, распущенные волосы, что спускались ей до колен. Мощный бюст, выделявший её из всех чемпионки, что ему доводилось видеть. Рядом стояла Оренэй. Естественно, эти всегда идут парой.

— Ха, решили скрыться в районе местных? — слова влетели в лоб, как мячик, который требовалось отбить. — Среди своих стыдитесь ужинать?

— Шла бы ты, Литиция, — буркнул парень и с силой дёрнул на себя ручку.

По сравнению с уличной жарой внутри оказалось даже прохладно. Ярко-жёлтые, почти рыжие стены и скатерти, щедро смазанные лаком скамьи, словно печёные пирожки, создавали ощущение, будто кафетерий выстругали внутри огромной тыквы. За столом, где разместились команда, уже были заняты все места. Парни уселись между столиками полуобнажённых залакированных кентавров и большой компанией гномов, сдвинувших для себя два стола. Стоило Булу подойти ближе, Вилен поднялся с места с протяжным скрипом скамьи.

— Давайте уступим капитану, ребята!

Его снова послушались, и эта вежливость была хуже пощёчины. Нахохленный, будто голубь в морозный февраль, он занял предложенное место, и в ту же секунду перед столом возникла Литиция. Пурпурные глаза больше не выража-

ли восторга. Плечи напряжены, пальцы невольно перебирали воздух, словно разминаясь перед щекоткой. Можно подумать, не она первой решила его уколоть!

— Нам семь кофе, Литиция. И меню, — ровным тоном заявил Бул.

От этого щёки девушки побагровели, будто её ошпарили кипятком.

— Ты! — Она выставила на него палец, и её лицо исказило, как если бы кто-то сильно стянул ей волосы на затылке. — Ты должен обращаться ко мне «Роялни», дикарь! — сквозь плотно сжатые зубы пригрозила девушка.

— Нам семь кофе, Роялни. И меню.

Чемпионка вздыбилась. Если бы не её подруга, что вовремя подхватила под руку и оттащила к столикам у противоположной стены, наверняка случился бы взрыв. Но на лицах спортсменов этот короткий разговор вернул улыбки. Боршер, кентавр с мощной гривой, даже протянул кулачок в знак одобрения.

— В них так много энергии, видели? — кивнул Бул на столик, за которым эльфийка и Литиция перешёптывались, точно готовили тайный план. — Вряд ли их мучают москиты круглые сутки, как нас? И я сомневаюсь, что продовольствие из Феминистии к ним идёт с такими же перебоями, как наше!

— Они специально держали наши повозки два дня на границе! — громко заявил Боршер, будто вызывая женский сто-

лик на открытые дебаты.

Бул притянул его за руку ближе к столу и сам стал говорить тише.

— А ведь это только первая неделя Игрищ! Как думаете, что будет дальше? Они целенаправленно выводят нас из равновесия. Мы должны им ответить.

— Узнаю прежнего капитана, — заметил Вилен, несколько не снизив громкости, не пригнувшись к столику вместе с командой, а наоборот, будто нарочно, отклонившись к мягкой оранжевой обшивке стены. — Какой план?

Он будто возомнил себя тренером. Бул не торопился с ответом. Сначала выпрямился над столом, чтобы не пригибаться, как школьник. Но постарался говорить тихо:

— Пленницы.

Парни замерли. Округлившиеся глаза ящеров забежали по сторонам, Боршер шумно потянул ноздрями. Единственным, кто несколько не изменился в лице, был Вилен. Он ждал деталей, и Бул придвинулся ближе, чтобы продолжить.

— Молочные озёра в распоряжении Феминистии. Мы не можем контролировать их поставки. Но... они заклеямили нас допинг-командой, украли нашу победу. А как они провоцируют наших сограждан? Нам арестованных уже содержать негде, и за каждого мы ещё и остаёмся в долгу! «Благодарим за возможность вернуть в Маскулистан наших нарушителей»... — с досадой спародировал он лорда Керсли, — Хватит с нас! Ответим им их же оружием!

— Причём здесь пленницы? — сухо произнёс Вилен.

— Отпустим их.

Бул выждал паузу. Напарники глядели друг на друга в лёгком недоумении, и каждая секунда их замешательства лишь сильнее уверяла в чистоте плана.

— Непросто раскусить, верно? Нам понадобится тот, кто умеет быть тихим и обращаться с ножом.

— С ума сошёл? — прошипел кентавр, пригнувшись от слов, как от стрелы. — Калечить пленных запрещает конвенция от тысяча пятисот... — его пришлось перебить.

— О чём ты думаешь?! Нужно справиться с бамбуковыми прутьями, рассечь шатёр, и сбежать! А вместе с собой... дать сбежать пленным чемпионкам Феминистии!

Его шёпот рассеялся в жёлтой мякоти кафетерия. По обе стороны от их стола гости, не стесняясь в выражениях, высмеивали сборную Маскулистана, называя их в лучшем случае «эти дикари». С противоположной стены, где точно так же прижавшись к столику, о чём-то секретничали эльфийка с подругой, не доносилось ни звука.

Парни молча переглядывались, не решаясь спорить, но и не спеша поддерживать. Вновь глаза упёрлись в прямой взгляд Вилены. Тот не мигал, точно прицеливался. От лучника его отличала только медленно проступающая улыбка.

— Ты хочешь, — размеренно заговорил он, опираясь о стену, будто Бул пришёл с личным предложением к нему в дом, — чтобы Феминистия сама отлавливала собственных

чемпионок, и возвращала в наши клетки с официальными извинениями. Это... гениально.

Только сейчас смущённо бегающие глаза команды вдруг раскрылись. Чемпионы замерли, словно долго пытались прожевать незнакомое лакомство и лишь в эту секунду почувствовали во рту её вкус. Лица поднимались к капитану одно за другим, и в каждом светилось знакомое немое признание.

Выдвинув грудь вперёд, лёгкие неспешно расправились, как у утренней птицы перед первой трелью. Теперь можно и еды заказать. Волна расслабления, подобно распаренной вялости после бани, спустилась от плеч к ногам так медленно, что стало почти щекотливо.

С грохотом Литиция вскочила взвинченной пружиной, опрокинув скамью.

— Ты не сделаешь этого! — вскричала она на подругу. Что бы они ни обсуждали, уши той вздрогнули. Больше девушка ничего не сказала. Только замерла на месте, оглушённая отзвуком собственного крика.

— В чём дело, Роялни? — окликнул Бул, скрещивая пальцы за шейей. — Под тобой уже стулья не выдерживают?

Под гогот команды девушка вспыхнула. С ещё большим грохотом она отшвырнула стул ногой и в два счёта оказалась перед мужским столом, раздуваемая гневом. Бул даже вернул руки на колени, инстинктивно готовясь к защите.

— Не выдерживают тут только твои чемпионы, самец! Но без проблем, буду называть вас стульями!

— Я тебе не самец, — огрызнулся парень.

— А кто ты? Самка?

Прыснул даже напарник. Жар мгновенно ударил в кулаки. Шею обожгло, словно мелкими брызгами, и очень медленно, будто его тело весило несколько тонн, чемпион поднялся на ноги. Скамья, на которой остались сидеть трое его товарищей, с долгим, разрезающим перепонки скрипом, отодвинулась. Вкладывая угрозу в каждый свой шаг, Бул подбирался к нахалке вплотную, вырастая перед ней суровой горой.

За плечом Литиции на ноги поднялась эльфийка. Бул видел, как она приближается к ним, но лишь боковым зрением. Его внимание приковали пурпурные глаза, и всё горячее закипал в его мускулах щекотливый дух.

— Кто же в этот раз позовёт на помощь? — прошептал чемпион тихо, чтобы только Роялни услышала. — Твоего рептильного евнуха тут нет.

Её глаза сверкнули так, будто ей вlepили оплеуху, и это был самый сладкий миг за весь день. Улыбка стянула ему скулы, но сладкий миг продлился недолго. Взбешённым зверем девушка вцепилась в его брюки, точно на арене. Острые ногти в мгновение ока разорвали рубашку в клочья. Не успел Бул опомниться, их тела сцепились, как кошки на пыльной дороге. Один вдох, и он уже придавливал девушку к полу. Одно неуклюжее движение, и пальцы отбивались от щекотаний, а посетители бежали из кафетерия.

Эльфийка бросилась их разнимать. Пряди волос оплетали

его пальцы — настоящее дополнительное оружие! Подруга быстро оттащила блондинку. В развязанном кардигане, дышащая жаром из-под растрёпанных волос, Литиция опасно дёрнулась в атаку. Бул выставил руки, но её смогли удержать. Впиваясь в соперника хищным взглядом, она клацнула зубами.

Занимая роль мамы, Трифти завязывала тесёмки на её кардигане и продолжала удерживать от атаки.

— Щекотания вне матов, Литти? — отчитывала она её, когда обе поднялись на ноги, — Ты чем думаешь!?

Бул быстро встал и отряхнулся. Второй раз после встречи с этой бестией его рубашка испорчена! До колена свисал безнадёжно порванный лоскут. Внезапным приливом жара парень сдёрнул его, разорвав всё окончательно. Марлевой тряпкой нижняя кайма болталась в руках. Но мускулы продолжали пульсировать. Порвать бы эту тряпицу в клочья! За окном неожиданно потемнело. Что-то мелкое с лёгким стуком ударялось о стекло. Сначала редкие крупницы, затем всё чаще. Совсем скоро глухие толчки по стеклу, будто ноготки детских пальцев, застучали бесперебойным потоком, подобно разогнавшейся барабанной дроби, и вдруг перестали. Кафетерий погрузился во тьму. Но не полную. Редкие точечные просветы, всё время перебегая с места на место, простреливали лучами света.

Медленно капитан поднял глаза на витрину. Рука с тряпичей безвольно опустилась. Стекло сплошь было усеяно стре-

козами. Налезая друг на друга, жужжа острыми крылышками и перебирая усиками, тысячами глазков они впивались в происходящее за стеклом, соскальзывали друг с друга и снова садились. Парень сглотнул.

В полной тишине из тени за его плечом, куда он боялся даже обернуться, прозвучал сдавленный голос Виленя:

— Дай знак, если бежим.

Но бежать было поздно. Всё увиденное насекомыми уже могло отражаться в любом из облаков, и спортсмены могли никогда не узнать, в каком именно. Грудь напряжённо опустилась и затаённо, будто это было запрещено, стала набирать новый вдох.

— Произошло недоразумение! — Бул развёл руками и даже растопырил пальцы, позволяя как можно большему числу насекомым зафиксировать, что там ничего нет. Едва отрываясь от пола, нога отступила от девушек, и тело склонилось в неспешном поклоне. Один быстрый взгляд на чемпионку. Застывшие позы, широко раскрытые глаза — они напуганы не меньше его. Интересная система защиты граждан... Не опуская рук, парень встал перед столом, будто сдвинутой набок шкурой пытался загородить команду. Говорил он медленно, чётко и громко: — Я приношу извинения, госпожа Роялни! Признаю — вы снова обставили всё в свою пользу! Браво!

К жужжанию за стеклом добавились голоса прохожих. Снова это, брошенное как плевков, «дикари». Крохотные точ-

ки света на стекле увеличивались, превращались в пятна. Под светом, пробившимся сквозь жужжащее полотно, Литиция выпрямилась. Подруга помогла ей расправить спутавшиеся волосы, вернула съехавший кардиган на плечи. Но мстительный взгляд не покидал её лица, и прежде, чем она отвернулась, с её губ, не дрогнувших, словно она ничего не сказала, слетело едкое:

— Дикари!

Слово капнуло на грудь кислотой. Зашипело, вспузырилось, в считанные секунды расплзлось язвой по воспалённым сосудам.

— Актрисы! — рявкнул Бул, и это заставило Литицию обернуться. — Ты и твоё королевство! Превращаете Игрища в фарс. В облаках всегда лишь удачные приёмы ваших чемпионов, сферы усиливают только ваши голоса! наших спортсменов вы представляете, как каких-то детей на утреннике и глушите аплодисменты болельщиков. Довольно! — Он ступил лишь один шаг, но Литиция и сама шагнула навстречу, отчего его грудь упёрлась ей прямо в лицо, но это всё равно не помешало ей задрать нос так высоко, будто она мнила себя повелительницей. Её бюст раздувался, едва не отталкивая Була назад. Он надавил в ответ, развернувшись в полшага, чтобы ни одно насекомое не смогло расшифровать его речь по губам, и зашипел ей в лицо: — Считаешь, что способна победить в честном состязании? Равный против равной? — Под тенью зрачки девушки отливали крова-

вым оттенком. — Сегодня. На озёрах между лагерями. В двенадцать ночи. — Он задумался на секунду и, пригнувшись к самому лицу, добавил перевод на её язык: — В полдень.

В её глазах на миг блеснуло что-то женское, растерянное, почти что... испуг? Она даже наклонила голову, как птичка, которая не понимала, что видит перед собой, и глупо повторила:

— В двенадцать ночи... в полдень?

— Вы ведь так это называете? — Бул оскалился. — Коверкаете наш язык, чтобы мы не поняли. Так же, как коверкаете Игрища. И наши исторические земли.

Стоило ему это сказать, и лицо чемпионки вытянулось, словно она была коршуном в крутом пикировании.

— Молочные озёра всегда принадлежали свободным женщинам! — Проскандировала она и явно ожидала оваций, но в кафетерии давно остались лишь чемпионы Маскулистана и её единственная подруга.

— Ха! Будь честна: женщины *жили* на этих землях. Но они были заключёнными. И жили они под флагом Маскулистана.

Готовая снова с ним сцепиться, Литиция напрягла пальцы, но в тот же миг дверь в кафе распахнулась. Бул резко обернулся. Пульс заколотил в висках. В дверях стояли две стражницы, обе глядели с лёгким прищуром, без тени злобы, будто вслушивались в условия торговой сделки. Аккуратно, точно в загадочном танце, обе шагнули в кафе, и за просве-

том двери показалось ещё с десятков женщин, одетых точно так же. С теми же струящимися штанами, в тех же сапфировых безрукавках, с одинаковыми косами за спиной.

— Госпожа Роялни, госпожа Оренэй, — вошедшая сделала лёгкий поклон, и в её исполнении он выглядел страшнее угрозы. Плечи чемпионки напряглись. Но стражница встала перед ними, закрывая собой, и развернулась к команде Була. — Гости перепутали заведение? Вас проводить?

Бул громко сглотнул.

— Благодарю, — слова шли с трудом, скрипя, точно ка-литка, вмёрзшая в камень.

Женщина взмахнула рукой перед его лицом, заставив сердце удариться о грудину, но её ладонь лишь указала на выход. Всего на секунду взгляд капитана скопился к Литиции.

— В полдень, — беззвучно произнесли её губы.

***

Тугой жакет на двадцати заклёпках, брюки с высокой посадкой, толстый каблук доходящих до колена сапог. Вытесанная в чёрном костюме, из зеркала на Литти смотрела настоящая тренериня, безжалостная и холодная, готовая довести до пика одним взглядом. Гребень в руках ящера вытягивал серебро её прядей. Зачёсывая их в высокий хвост, Хорос хмурился собственным мыслям, и его сморщенные губы не давали сосредоточиться.

— Ты практикуешь метаморфозы? — тихо, будто и не

ожидая ответа, спросил он, хмурясь чему-то у Литиции за спиной.

Она обернулась. В руке самца дёрнулась её прядь, заметно потемневшая на концах. Девушка подобрала остальные волосы. Все они становились к концам почти чёрными. Но мыться ещё раз времени не оставалось. Она отвернулась к отражению. У корней серебро сияло туго завязанным хвостом на затылке. Он придавал взгляду строгости, какая бывает у хищных птиц.

Хорос отложил расчёску к флакончикам с ароматами. На будуаре их стояло несколько. На каждом изображались ветки сирени, но от плеч девушки всё равно пахло чем-то хвойным и слегка земляным. Ящер мягко приложил холодные, слегка влажные пальцы по обе стороны её головы и, не сводя глаз с её отражения, тихо коснулся губами макушки. Литти потупила взгляд. Задержавшись так над ней, самец столь же неспешно её отпустил.

— Если что-то пойдёт не так, госпожа моя, я дам сигнал.

Девушка поднялась с банкетки. Тяжёлый ветер раздувал купол шатра беспокойно, будто кто-то с небес стучал по натянутой крыше. Блёстки задувались в отверстие на самой вышине и добавляли бледному освещению светлячков неуместной торжественности. Осыпаясь на влажные руки ящера, они заставляли его чешуйки щекотливо блестеть. Бицепсы переливались, лоснились, как жирный кусок мяса. Спортсменка взяла самца за руку.

— Только не выпускай больше призывные искры. — Она раскрыла его ладонь. Пурпурные пальцы, всё ещё сильно вспухшие на концах, где оттенок смещался к тёмно-фиолетовому, послушно расслабились в руках своей госпожи, и девушка, точно ведомая зачарованным сном, стала разглаживать ладонь ящера. — Чёрт, на тренировках кто-то обязательно заметит твоё воспаление. Ты должен достать себе мазь.

— Я обо всём позаботился, — тихо, как на поминках, шептал самец, наблюдая, как девушка мнёт его податливые чешуйки. — К завтра пройдёт. А если нет, спрячу пальцы и просто пару раз проиграю. Пока я в запасе, никто всё равно не ждёт от меня рекордов.

Голос потрескивал на согласных, как механизм старой шкатулки. Тяга Литиции, вечно голодная, ворочающаяся глубоко внизу живота, вновь потянула за толстые нити, сводящие в узел все внутренности.

— Три раза тренировались, — простонала она, — а ты такой же щекотливый. И времени на подготовку уже не осталось...

Здоровой рукой ящер притянул девушку к себе.

— У нас вся ночь времени, — прошептал его голос, точно оставлял поцелуи, — ты не обязана идти туда.

Мягкие же, чуть водянистые от воспаления пальцы скользнули по тонкой ткани брюк. Холод коснулся её под жакетом, и дыхание замерло. Нутро свело жарким требова-

нием. Пусть щекочет! Сжав ноги и больно закусив губу, решительным движением Литти отбросила его руки. Он тут же прижал повреждённые пальцы к груди.

— Прости, — шепнула девушка и поспешила от него от- вернуться.

Но ладонь быстро оказалась на её плече.

— Ничего, госпожа моя. Я знаю, что я — не больше, чем тяга. И не меньше. — Холодные пальцы прошлись по глади её туго затянутых волос. Дрожь сбежала от затылка по позвонкам. — Я согласен быть тягой, Литиция. Только ты будь моей госпожой.

Она зажмурилась. Каждый изгиб её тела взывал к нему, словно в самой безнадежной хвори. Точно раба на привязи, она чувствовала, как мокрые, скользкие цепи влезают ей в жилы, укореняются в них, и дёргают. Дёргают!

— Литти! — с порога вскричала эльфийка, едва ворвавшись в шатёр. Присутствию самца она больше не удивлялась, но застыла, уставившись на кожаный наряд подруги, высокий хвост, как у первой советницы, лакированные сапоги. Оставив при себе комментарий, она шагнула навстречу и вцепилась в плечи спортсменки. — Этот вызов несанкционирован, ты не обязана. Мы можем донести, и дело с концом!

— Ты поэтому укуталась в мантию, — с улыбкой заметила Литти и сняла розовый капюшон с головы подруги, — чтобы отговорить меня спускаться к озёрам? Нет, Трифти, они решат, что мы слабые. Если кто и должен остаться, — говори-

ла она, откалывая брошь от мантии эльфийки, — то это ты. Оставайся в лагере. Пусть госпожа и дальше тебе доверяет.

— Ты знаешь, что я не могу. — Эльфийка заколола брошь обратно, мягко сняла руки Литти, но не смогла отпустить их. Горячими пальцами она согревала её ладони, а яркие сапфировые глаза смотрели, будто из самой глубокой ямы.

От этого взгляда в груди холодело. У неё были глаза, которые уже не спасти. Хворь. Литти медленно прижалась к её груди, будто прилегла на подушку после долгого дня, о котором никому не захочется рассказать.

— Я ещё в кафетерии сказала тебе — ты этого не сделаешь!

— Точно так же, как ты не пойдёшь щекотаться с врагом среди ночи, — ответила Трифти таким ровным, лишённым сопротивления шёпотом, будто всё с ними уже случилось.

Горячее объятие сомкнулось на плечах. Литти больше не спорила. Не потому что эта идея больше не заставляла её сердце сжаться. Заставляла. Она плотно зажмурилась, вдыхая запах сирени, притаившийся на коже подруги, и дыхание её замерло на вдохе, обещая переродиться в плач в следующую секунду. И она спрятала лицо в толстой мантии эльфийки, чтобы эта секунда её не нашла.

— В королевстве щекотливое положение, Литти. Я ни за что не брошу команду в такой момент. Но я должна дать ему возможность бежать.

— Если кто-то поймает...

— Меня обвинят в измене, — закончила за неё эльфийка. Тем же ровным, пугающе спокойным голосом. — Я знаю. Но всё получится.

С трудом Литти подняла голову. В полумраке и парящих в воздухе блёстках Трифти выглядела такой красивой! Настоящее божество.

Она сжала челюсти, но всхлип всё равно вырвался носом. Подруга тут же схватила её за плечи.

— Со мной всё будет хорошо, слышишь? Литти, тебе нельзя щекотаться в таком состоянии!

— Всё мне можно! — она быстро сморгнула слёзы и на всякий случай проверила ресницы, чтобы на них не смазалась сажа. — Я в порядке.

В последний раз она шмыгнула, и между ними повисло долгое, интимное безмолвие. Каждое прикосновение было признанием. Литти слышала его сквозь тишину. Глянцевой пелене на глазах, заставлявшей избегать взгляда, не удавалось спрятать ничего. Напротив, она обнажала чувства без остатка. Трифти прикоснулась к её подбородку, легонько, лишь направив к себе, словно маленького утёнка материнским крылом. Блёстки падали мимо ресниц, в сапфировом океане её взгляда, где секунду назад захлёбывалась боль, Литти вдруг обрела опору. словно почувствовав это, подруга едва заметно улыбнулась.

— Увидимся, — шепнула она, и её лицо скрыл капюшон. Литиция осталась одна перед взметнувшейся шторой, за

которой в темноту скользнула эльфийка. В палатке затаилась тишина.

***

Сквозь просвет в пологе проглядывала луна, замороженная высоко в небе. Именно сейчас где-то у себя в лагере должен собираться на встречу с ней Бул. Если, конечно, не струсил. Холодок, струящийся прямо с луны, точно призрачный тюль, обволакивал плечи.

Из-за плеча показался ящер.

— Если ты расскажешь о его предложении тренерине, вся команда будет на твоей стороне.

— Команда, может быть. Но я не буду.

Литиция глубоко вздохнула перед погружением в густую ночь. На маленькой тумбочке возле кровати она оставила плетёнку. Оттуда же подобрала резной подсветник, где в деревянных кувшинках-ловушках дрожали светлячки. Приоткрыв тяжёлый полог, она отпустила их на улицу. Шатёр погрузился во мрак. Сияния сфер с тропинки, проходящей через извилистый ряд шатров, не хватало даже, чтобы осветить лицо Хороса. Под низко натянутой мантией сверкали только его рептильные глаза. С острым зрачком и манящим янтарным отливом.

Едва под одеждой заворочался неутолимый голод, Литиция отвернулась. Соберись! Морозец забирался с улицы под шатёр, и она двинулась в темноту.

Шуршащей дорогой через шатры, храпящие, подглядыва-

ющие, хлопающие ветром в натянутых куполах, девушка шагала к чёрному полю. Рядом семенял Хорос, уже почти не заваливаясь без опоры на хвост, но петляя скорее по-змеиному. Возле редких сфер, мерцающих слабым голубым сиянием, жужжали дежурные стрекозы. Всякий раз, проходя мимо них, пара приседала за ближайшим шатром. Освещая лагерь для дозорных стрекоз, светлячки смешивались в гудящий рой, исследовали пустую тропинку и разлетались.

Шатры ушли за спину. Двое остановились у спуска к озёрам. Бархатное полотно, проложенное по гальке через весь лагерь, здесь замыкалось петлёй. В центре этой петли росли гладиолусы. А дальше начинался крутой спуск, сплошь заросший травой, чернеющим под луной вереском.

— Я обойду сверху, — шепнул ящер. — Но если ты откажешься... — не дослушав его, Литти шагнула в траву, и тогда он буркнул ей в спину: — Это было бы лучше, чем ставить команду под удар.

Слова прилетели в спину, будто шматок грязи. Чемпионка застыла, едва ступив на вересковый ковёр. За спиной отчётливо зашуршала галька, нервным постукиванием которую мог раскидывать только молодой, едва дотягивающийся до земли хвост. Готовая вцепиться в него, девушка тихо развернулась в мягких кустарниках, откуда различала только силуэт ящера и два пылающих жёлтым огнём глаза.

— Что ты сказал, самец?

Шуршание хвоста по пыльной гальке усилилось.

— Литиция, госпожа моя, Бул выведен из игры. Просто донесём на него, и техническая победа за нами.

Он шагнул на покров мягких трав. Его мускулистая грудь дышала в темноте, окутывая холодными невидимыми струями воздуха. Литти взглянула в его янтарные глаза, что светились сквозь непроглядную ночь.

— Техническая победа? — Она сделала шаг к мощному телу, и впервые блеск этих влажных, отражающих лунное сияние чешуек не смог сжать её нутро, в котором сейчас разгоралась жажда состязаний. — Эти дикари высмеивают нашу культуру! Называют защитниц актрисами, а обычаи фарсом! Кем я буду, если сбегу от поединка, прячась за технической победой, Хорос? Предательницей!

Ещё на один шаг ящер приблизился к ней. Его рот беззвучно искал слова опровержения, но их просто не было. Чемпионка положила руки на его грудь. Твёрдую. Холодную. Пульсирующую. Вот тот самец, за которого она пойдёт щекотаться.

— Я одержу победу над ним, не волнуйся. Но это будет победа, которую он почувствует. Победа над его убеждениями. За оскорбление славных защитниц, за золотых самцов, за все колкости, что сошли ему с рук! Капитан сборной Маскулистана, — заклиная, она возвела руку к небу, и слова, брошенные за звёздный горизонт, обращались в клятву, — признает несостоятельность перед силой Феминистии!

Бледный свет струился на её сжатый кулак, будто стачи-

вал камень. Ветер принял её обещание и с шелестом чёрных побегов унёс в глухую ночь.

***

В груди нарастал неуёмный стук. Под капюшоном металось дыхание. Никогда в жизни Трифти не приходилось скрываться в вересковых побегах и прислушиваться к чужим шагам. Впереди под настойчивым ветром хлопал полог последнего пристанища для проигравших чемпионки — шатёр пленниц. Ещё каких-то пять метров! Трифти сглотнула. За плечом что-то двигалось. Неровный, живой шорох, как убегающий зверь, то исчезал, то опять появлялся. Тёмные цветы раскачивались перед лицом и щекотали нос. Эльфийка подулала на них, чтобы отклонить, но те лишь закачались сильнее. Она отползла. В ту же секунду шорох за плечом оборвался.

Мантия защищала от непрошенных глаз, но закрывала обзор. Над ней стоял незнакомец. Или мерещилось? Холодный пот полз под чёлкой. Чувствуя, как сильно дыхание заставляет тело приподниматься, она проклинала идею прийти сюда. Ползаешь в ночи, как шпионка!

Это её королевство, ей нечего бояться! Она резко подняла голову. Ветер покровительственно провёл невидимой холодной рукой под её подбородком, снимая с лица плёнку страха, как с затеня фату. Вниз уходил спуск пушистого вереска, чёрные побеги шелестели в темноте. Только бледный металлический свет мелких звёзд, рассыпанных по низкому небу, словно зёрна для птиц. Всё подножье с двумя лагеря-

ми, амфитеатром, чернеющим, точно смолистое озеро, казались лишь кукольным домиком, поросшим мхом.

Шатёр же с последнего раза стал только больше. Уродливый чёрный шов, по которому сходились две палатки с разными куполами, вытягивал ткань так, что в пологе крыши мерещилось вопящее лицо. Девушка замерла перед ним. Холодная рука ночи провела её по плечам, шепнула за ухом тихим ветром, что ей нечего здесь делать, и она совершает ошибку. Грудь вновь задышала чаще. Громко сглотнув, эльфийка съёжилась перед тканым чудовищем, ветер в котором трепал натянутый полог и выбивал внезапные хлопки, словно жестокие пощёчины. Злобный порыв сорвал капюшон. Трифти тут же присела в траву.

За поворотом, где подрагивали жёлтые тени лучины, раздался мужской смех. Голоса молодые. Она не разобрала слов, но говор был явно дикарский. Охранницы от Феминистии, скорее всего, оставались внутри. Там же, в отдельной от всех бамбуковой клетке, как животное на продажу, сидел её Трей. Сердце застучало сильнее. Почему она так подумала, «её Трей»? В нескольких метрах темноты, за такой тонкой перегородкой заколдованной шторы и в необъятной бесконечности, разделяющей их королевства, в углу своей клетки сидел он.

«Ты самая красивая эльфийка, которую я встречал. Давай сбежим вместе?»

Воспоминание давило сердце. Как же дико захотелось

ворваться к нему! Вот бы сейчас перемотать всё назад! За спиной оборвался шорох. Трифти упала в траву, обернулась. Делают обход? Но под рассеянным белым свечением никого не было.

За ухом кто-то шикнул. Она дёрнулась на звук. Далеко у шатра, откуда выглядывали отблески лучины, занялся оранжевый дым. Яркий, переливающийся, чем-то похожий на сферу, но больше, с нарастающими друг на друге струями нежно-персикового свечения. Бумажные тления... Охране всё равно до шорохов в ночи! Они заняты нарушением закона. Трифти выпрямилась в траве, расправила мантию и вытерла пот со лба.

Над головой спали звёзды. Покрывалом под ними дышала темнота. Никого больше не было. Она выдохнула. Ветер снова теребил её пряди. Спуск, по которому она поднялась, манил ковром трав. Ещё не поздно уйти. В высоко качающийся кустарник, через одиноко лежащие камни. Или не камни? Она пригляделась к двум блестящим точкам в глубине одного из них. Точки моргнули.

Трифти нырнула в траву. Оно видело? Пот обдал каждую пору, будто её снаружи обрызгало кислотой. Сердце стучало галопом. В затаившемся ветре её дыхание шипело так отчётливо, что казалось, охранники за поворотом могли его слышать. И чем она думала... её поймут на такой глупости! Страна нуждается в ней, а она тут устроила детскую привязанность! Где её дивидация, в конце концов!?

Шелест оббежал со спины и замер. Оно стоит сзади неё? Смотрит? С травы, что скребла ледяными ноготками грудь, что-то переползало на кожу. Высокий куст обращался в ловушку, где воздух душил её, не давая сделать полного вдоха. Плотно сжав губы, очень медленно Трифти обернулась за плечо. И тогда увидела его: нечто огромное ползло прямо к ней. Большое, размерами с человека, и накрытое тканью, оно стелилось по земле. Пульс забился в горле, сковав сухой хваткой. Эльфийка вскочила и понеслась, куда глаза глядят. Сквозь острые травы, крючковатые веточки, по неровным ухабам. Мантия запуталась в ногах, и девушка задрала юбку, чтоб не споткнуться. Всего на миг она обернулась, и в этот момент нечто чёрное бросилось на неё и свалило в траву. Боль ворвалась в плечо. На первом вскрике она сжала губы.

— Трифти Оренэй? — прошипел парень. Бритоголовый, с острыми скулами, будто высеченными из камня, и с вечно суровым лицом, как и в ту ночь, когда они прятались от стражниц. Вилен. — Ты ещё здесь что делаешь?

Эльфийка спешно вылезла из-под него и огляделась. Лист с тлениями продолжал парить далеко за палаткой, освещая две мужские фигуры.

— Я... я следила за тобой, — выдумала она, поправляя юбку, перестёгивая съехавшую мантию, — а ты чего пришёл?

— Так а я... за тобой следил, — повторил парень.

Несколько долгих секунд между их лицами гуляли только белые клубы дыхания. — Проводить?

— Может, это мне тебя проводить?

Но никто не двинулся с места. Под мантией парня Трифти не видела ничего, что выдавало бы его намерения: зелёная рубашка спортсмена, те же узкие штаны с выступления. Наконец, он протянул руку. Что, без помощи не может встать? Девушка коротко кивнула ему за спину, где в облаке бумажных тлений, персиковым дымом окружавших парящий лист, ночным байкам посмеивались охранники. Вилен недовольно вздохнул и первым двинулся вниз по склону. Ползком. Всего на одну секунду эльфийка обернулась на шатёр пленных — «я вернусь, Трей». По жёстким побегам она двинулась вслед за парнем.

***

Шаги уверенно рассекали кустарник. словно магические пути, он вился под ногами, и с каждым резким шагом, разрывающим мокрые стебли, в Литти концентрировалась жажда состязания.

За крутым обрывом показались факелы. Она застыла. Он привёл всю команду? Огни, освещающие старый мат и гурьбу тёмных мантий, взмывали в небо, прыгая между высокими палками. Были и розовые мантии. Но кто рассказал команде о встрече? Плечи наострились. Под жакетом заёрзал некомфортный комок. Стопы сделали шаг по спуску, откуда передвигались осторожно, будто пласт земли мог в любой

момент обвалиться.

Огни создавали в небе постоянное движение. Толпа, зрителей в сорок, громко делала ставки, шутила. Подходя ближе к тропинке, выложенной старым ковром, Литти натянула капюшон на глаза. Дорожка утопала в молочке. Каждый шаг продавливал её в слякоть, поднимая скопившуюся затхлость к ноздрям. Перед самой высокой палкой, отбрасывающей в чёрных травах танцующие тени, рассеивались клубы туманного гравия. Трава, покрытая его чёрной, клубящейся магией, была охвачена правильным геометрическим кругом, по границе которого ничком падали сбитые с толку стрекозы.

— Нарушаем, чемпионка? — Из-под блестящего розового капюшона, точно так же натянутого до носа, в отблеске огня облизнулась Долсон.

От одного вида её взбитых кудрей, струящихся на плечи, точно кофейные ручейки, и от этого язвительного выражения всё внутри покрылось иголками. Вот только главной соперницы не хватало! Её острые плечи, каблук, с которого та возвышалась на пару дюймов, вызывали давящее чувство, как будто жакет жал на полразмера, и почему-то Литти заметила это только сейчас.

— Откуда такая толпа? — голос прозвучал тише, чем она планировала. Она прокашлялась.

— Ха! Ты же не думала, что мы пропустим твои щекотания чёрного уровня?

— Разрешён чёрный уровень?

Рука Долсон оказалась у Литиции за спиной и сдёрнула капюшон. Перед лицом тут же взмахнул факел, едва не опалив ресницы. Зрители завизжали её имя. Тяжёлые ладони со всех сторон стали ободрять непрошенными ударами. В плечо, по лопаткам. Спасаясь от них, спортсменка продвинулась к матам. Гнилое полотно размокало в молочной воде. Отблески огня, всё время вспыхивающие в разных углах ярко-оранжевыми и алыми всполохами, отражались в белёсой луже, слегка подтопляющей мятый матрас.

— Выдвигаю себя на роль ведущей наших с вами маленьких Игрищ! — закричала в шумную толкучку незнакомка, заставив гам стихнуть с первых же её слов. — На сегодняшнем раунде будет царить одно правило: победит сильнейший!

Её ресницы взметнулись в воздух ровно в тот момент, когда с потрескиванием в небо взлетели искры. Поляна зашлась аплодисментами. А девушка с длинными, как у Литти, волосами, но заплетёнными в две тугие косы, прикрытая чёрной мантией, приказала:

— Если среди нас есть тот, кто против, пусть скажет об этом сейчас!

В щекочущей тишине десятки взглядов перебегали друг от друга под мантиями. Литти слышала собственное дыхание и то, как натягивались кожаные заклёпки жакета. На противоположной стороне расступились болельщики. Вперёд вышел Бул. Мощные плечи, по которым стекал чёрный

щёлк, было не скрыть накидкой. Она только подчёркивала раздутую, словно ваза, грудь. Парень открыл лицо. Медленно и ритуально. В холодной ночи, обогретой лишь несколькими факелами и плотно сбившейся группой зрителей, его лицо блестело испариной, а глаза, два ярких обещания расправы, нацелились на противницу с серьёзностью натянутой тетивы.

— Маленькая поправка! — заявила Литиция. — Победит сильнейшая. Сильнейшего здесь нет.

В толпе поднялся шёпот. По краям, где чёрные мантии маскулистанцев стыковались с болельщиками Феминистии, слышались первые насмешки. Задыхаясь под тугими заклёпками, чемпионка изо всех сил держалась за взгляд противника. Чёрта с два её глаза дёрнутся!

— Победит сильнейшая, — хитро оскалившись, исправил ведущая, — или сильнейший. Начали!

Звонким хлопком она пригласила их на маты. Звук разбил невидимый кокон, что сдерживал движения. Слово рыба, которую выплеснули из банки в царский пруд, Литти ступила на мат, с булькающим шипением из-под которого выдулся воздух. Капитан шагнул к ней, не выпуская из зрительной хватки. Болельщики протянули жадное восклицание, потирая ладони, прикусывая губы. Кто-то присел у самой воды, и их головы пришлось обходить, ведя соперника первый круг по кромке матов. Они поворачивались синхронно. В движениях Була отражалось что-то кошачье, будто он копировал

грацию Литиции, но на самом деле это она повторяла все его движения: лёгкий наклон вперёд, обманчиво расслабленные руки, ведущие хаотичные движения в воздухе, слегка танцевальные шаги от носка, никогда не отрывающегося от полотна. Противник медленно шагнул к ней, продолжая путь по незримой окружности. С точностью зеркала она отвечала. Лёгкие всплески молочной глади, шепотки наблюдателей. Бул всё медленнее подбирался, и всё активнее перебирал пальцами в воздухе. Она должна быть полной дилетанткой, чтобы дожидаться очевидного выпада! Нет уж! Её нога резко согнулась. Один миг, и она летит спиной вниз. Дух вырвался из груди. Но в последний момент её подхватили сильные руки. Попался! Их глаза встретились, и она успела запечатлеть этот сладкий момент удивления за секунду до того, как её пальцы забрались ему за шиворот.

Зрители взревели. Бул скинул её на мат со смачным шлепком. Совсем как в тот раз, когда они были одни. Мысль всплеснулась в голове, как удар ладони по водной глади. Литти тотчас перевернулась и обрызгала парня молочком. Каплями обдало и ближайших болельщиков. Ха! Чемпионка схватила его за ногу. Щекотания без правил! Баланс сил мгновенно сместился от матёрого капитана к чемпионке, обтянутой чёрной кожей. Прямо сквозь плотные штаны она забралась под колено, но только для того, чтобы заставить его дёрнуться вперёд и открыть доступ к шее. Тот взвыл от злости и бессилия. Превозмогая, он бросился к её талии, но жа-

кет не оставлял ему шансов.

— Давай, студентка! — ликовала где-то за её спиной Долсон.

Болельщики за спортсмена пытались скандировать имя капитана, но в его незавидном положении получалось слишком комично. Восклицания быстро свелись к спонтанным крикам и оханьям. Всего пара попыток расстегнуть её застёжки довели чемпиона до бешенства. Бул схватился за воротник и дёрнул со всей силы в стороны, но только упёрся в первую же заклёпку.

— С одеждой не для арены ты дел не имел? — кокетливо удивилась Литти и пощекотала его за ухом с детской нежностью.

Смех публики довершил дело. Его лицо сморщилось так сильно, что от напряжения задрожало. Он вздохнул тяжело, будто уже был готов сдаться. Чемпионка потрепала его за щёку с искренней жалостью.

— Будешь сдаваться, — предупредил Бул, — кричи, чтоб я услышал.

Переспросить Литти не успела. За вытянутую руку он резко дёрнул её и, выбив равновесие, перевернул на сто восемьдесят градусов. Рот сам набрал полный вдох. Полный смеси горькой травы и плесени. Через секунду её лицо оказалось вжато в матрас и продавило под собой ледяную лужу. Шум зрителей слился с её дыханием. Руки резко свело за спиной. Будто привязанный к тросу, корпус дёрнуло, и над ухом раз-

дался хруст. Литти замерла. Что на ней могло порваться с таким звуком? Полотно из-под груди дёрнули. В испуге она развернулась, и на неё шмякнулись остатки жакета. Грудь задышала, а Бул лишь повёл бровью. Морозное молочко под спиной и ледяной матрас, шершавый под одним плечом и подозрительно гладкий под другим, сковывали движения. Две крупные ладони, какие она не отличила бы от золотого самца, схватили её за ноги и подтянули, словно куклу, к нему — к капитану. Теперь она почувствовала, кто перед ней.

Пыша жаром кентавра, сжимая хваткой, точно тугим ремнём, он впивался в неё животным взглядом, от которого лёгкие отказывались до конца расправляться. Серия мелких вдохов, загнанных под сжатые плечи, закружила голову. Чемпион же, увлажняя пальцы, дышал, как гиена над добычей. Но она ему не добыча!

Рывок вперёд. Его хватка на опережение. Прижать запястья к матам, серьёзно? Какая пошлость! А как насчёт укуса за ухом? Кто-то настаивал на состязании без правил! Её язык застал парня врасплох. Но привкус геля для волос, похожий на пепел, вывел из строя её саму. Стоило отплеваться в траву, и соперник уже оставил её без штанов. Литти взвыла.

— Сдашься на первых минутах? — Запыхавшись, прошипел Бул прямо в лицо.

Он так странно смотрел в глаза... Лунный свет стелился в каштановых волосах. Зачем он их зачёсывает? Она взъерошила недлинные пряди. Теперь он смешной. Бул в ответ рас-

трепал её волосы. Она решила его ущипнуть. Он — её. Она — его. Как в озере. Снова плещутся, но теперь это раунд. Чёрт, точно, они же щекочутся! Ноги придавили парня к земле. Показалось, или он поддался? Пальцы впились ей в бёдра.

— Литиция...

Слабак! Она выиграет в два счёта. Её волосы, уже намокшие в молочке, отдающие плесенью старых матов, терпкой смесью трав и чем-то похожим на миндаль, лезли в рот. Собрав водоросли и слизь, они накрывали двоих мокрым пологом. Крупная грудь мешалась. В зрачках парня прыгали огни. Он выглядел таким серьёзным... Литти не удержалась, зачерпнула горстку молочка и брызнула ему в лицо.

— Литти! — Он тут же вцепился в неё и повалил вниз, пальцы быстро устроили нещадную месть.

Назвал именем для друзей? При всех!? Она забрыкалась. Но его руки ощущались везде. Крепкие и жаждущие. Под её поясницей, между бёдер, игрались на изгибе стопы, доставали из неё все секреты, и вместо мести заставляли ёрзать и бить кулаками по молочку. Слишком нежно, нельзя так! Литти выгнулась. Носки сильно напряглись. И чего он замер?

Стон вырвался из неё против воли. Бул приподнялся над ней, ловя этот звук, словно знойным днём встречный ветер.

Бронзовые тени огней танцевали на его плечах. Морщинки на лбу, грубая линия челюсти. Взгляд, полный муки,

скользнул по её пышным формам, что растеклись в стороны двумя сырыми безе. Этот взгляд обжигал шею, впивался в губы, упёрся в глаза. Вдруг две мольбы встретились, и в тот же миг всё изменилось.

Вдох оборвался. В тумане растворились наблюдатели и их крики. Осталось только его лицо, обрамлённое растрёпанными короткими крючками. Рука сама потянулась к бронзовой коже. Касание. В его глазах треснул лёд. В ней — впервые расправились лёгкие, и больше не хотелось ничего понимать. Мокрые губы ворвались в её мир. Горячие. Воспламеняющие. Пальцы больше не щекотали, они захватывали, требуя быть его. Они высекали искры, от которых её стихия расправила крылья. Литти вжималась в него, ставшего кислородом. Бул вдыхал в неё силу, напитывал распалющийся огонь, и горел вместе с ней.

Громкий стон. Его ладонь оказалась на её щеке, горячая и мягкая. Нежная, словно утренний сон. В тёмных глазах цвета крепкого чая дрожали отблески огней. Губы прижались к ней снова, раздували её вдох в ураган, и в океан разливали ручей.

— Стражницы! Стражницы! — Крик разорвал хрупкий сон.

Только не сейчас! Пальцы крепче сжали его лопатки. Огненные шары взмыли в небо в последний раз и с шипением бросились в молочные воды, оставляя за собой столпы дыма. Кентавры в мантиях прыгали прямо через них, убегая в

черноту. Бул прижал её намертво к мату. Сдавленный голос, ритмично подрагивающий в такт движениям, зарычал в самое ухо:

— Не отпущу.

Ударом молнии слова вошли в позвоночник. Самый щекотливый голос, что она слышала! Сжимая его всем телом, как сжимают кулак, она плакала в его шею:

— Не отпускай!

Рука оттянула ей волосы. Тонущая в наслаждении, Литиция не могла дышать.

— Студентка! Бегом! — кричал кто-то за гранью вселенной.

Касания Була, его горячие губы, рука на её шее... Щекочи! Она двигалась под ним, сама ловя кончики пальцев. Пусть он это сделает!

За вереницей дыма мелькали фигуры. Стремительно удалялись розовые пятна, за ними надвигалось облако светлячков. В полутьме кто-то схватил её за руку и выдернул под ледяной ветер.

— Беги! — заорала Долсон, одной интонацией влепив отрезвляющую пощёчину.

Под локоть, мокрую и голую, она волокла её в темноту. Ноги спотыкались и резались о тонкие травы.

— Что происходит? Мы не закончили!

— О, это мы ещё обсудим, не сомневайся!

Отвесный подъём сыпал землю под руки. Дрожащие паль-

цы хватались наугад. Снова и снова Эмилия находила её в темноте, хватала острыми когтями и вытаскивала. Они обе упали в мокрую траву, и снова грубая хватка дёрнула наверх.

— Стражницы, Роялни! Беги со всех ног!

Глава 3. Чужой внутри своих

Нежно-розовые вересковые поля шептались голосом Литиции. Ласковый ветер водил призраком её пальцев по лицу. Расположившись на высоком обрыве с видом на мелко-водные разлитые озёра, Бул свесил ноги, заставив сухие комья раскрошиться под его обувью и слететь по склону вниз. Лёгкие порывы воздуха сразу подхватили пыль туда, где с десяток фигур в развивающихся штанах и строгих безрукавках топтались в бледно-молочной луже. Беззвучно женщины с одинаковыми косами складывали рукоятки факелов на расстеленную ткань. Вчера эти факелы освещали лицо чемпионки, придавали золотистый блеск её волосам, пахнувшим хвоей.

Закрыв глаза, Бул медленно потянул носом.

«Не отпускай!» — её шёпотом в вереске зашуршал ветер. — Когда ты заметил меня?

Бул вздрогнул от внезапного баса над ухом. Рядом с ним неспешно присаживался на обрыв Вилен. Он оперся на согнутое колено, сорвал ближайшую травинку и стал крутить её в руках. То ли из-за бритой головы, которую не приходилось мыть, или из-за загорелой кожи, не подверженной бессонной бледности, он выглядел бодро. На его фоне уставшие плечи Була только сильнее налились вязким желе.

В затянувшейся паузе напарник заговорил снова:

— Хочешь сказать, ты меня вовсе не видел, потому что встал в четыре утра, чтобы поглядеть с этого уютного обрыва на оставленные улики? И, конечно же, ты не шёл по направлению к лагерю этих куртизанок. — Последнее слово штыком вонзилось в ухо.

Голова сама повернулась на этот режущий звук. Усилием воли Бул заставил себя снова сесть прямо.

— Они чемпионки, Вилен.

Тот усмехнулся.

— Я так и понял. И вся команда вчера поняла. — Медленно вытягивая тонкие нити из травинки, парень некоторое время разглядывал её с ухмылкой игрока, которому попались хорошие карты, а потом резко стал серьёзным. — За два дня влюблённость тебе не вылечить. Если артефакт развалится перед тобой прямо на арене, тебя обезличат. И команде будет не отмыться. — Скинув с обрыва очередную зелёную нить травинки, он добавил ровно, будто тренер, отдающий приказ: — Тебе стоит сложить полномочия, Шигал.

Таким же слаженным механизмом, как и слова напарника, там, в низине, прочёсывали мелкие озёра стражницы. У всех русые косы, волнистые свободно свисающие штаны, все находили что-то неразличимое с такого расстояния в высоких кустах, поднимали и рассматривали. Была в их движениях неестественная слаженность, почти танцевальная, но холодная. Такая бывает в игрушечных театрах, что дети собирают внутри старого ящика, в девчачьих миниатюрах, напитанных

неумелой магией, склеенных из лоскутов и насаженных на механизм. Издалека этот эффект кукольности только усиливался.

— Ты знаешь о положении моей семьи, — сказал Бул. — Я обязан оставаться капитаном. И не могу передать тебе этот пост.

— Мне? — Удивление прозвучало очень естественно.

— О, может, *ты* хочешь сказать, ты встал в четыре утра, чтобы проводить меня до обрыва из глубокой преданности? — В голосе Була прорывалась давняя злость. Как заскорузлая зола на пекарском камне, обдающая копотью всё, что окажется рядом. — Или всё-таки ждёшь, когда я оступлюсь?

Вновь парень неоднозначно хмыкнул.

— Оступился ты уже давно. И удивительно долго падаешь. — Он взял паузу, чтобы скинуть ещё одну ободранную нить травинки и проследить, как ветер уносит её со склона. — Но приземляться всё равно придётся. Не пытайся подстелить себе соломку из имиджа команды, Бул. Или ты надеешься, что гонец Альцет обо всём договорится?

— Альцет... — повторил капитан, и само имя гонца осело на языке вязкой мякотью. — Этот ящер взялся из ниоткуда. А теперь и полслова нельзя сказать о дворе, и не услышать его имя.

— Ему есть, что предложить его Высочеству. Когда-то и ты был таким.

— Альцет — скользкий торговец! — вскричало в груди

уколотое достоинство. — Всё, что ему нужно, — деньги моей семьи. Я сильно сомневаюсь, что он вообще заинтересован в победе Маскулистана.

— То же можно сказать и о тебе, Шигал.

Бул замер. Эти слова не просто ударили его, они вошли смертельной, неуловимо тонкой иглой в средостение, нарушили жизненно важную связь и вышли никем не замеченными. В густом утреннем воздухе стояло стрекотание кузнечиков, в котором слова быстро растрескались, раскрошились и ссыпались острой пылью в грудь. Тяжёлое сердцебиение отдавалось у Була в ушах.

— Что ты сейчас сказал?

Вилен несколько не смутился. Продолжая целенаправленно разбирать на нити травинку, он спокойно ответил:

— Думаешь, чемпионы не знают, что эти Игрища — ордалия для твоей семьи?

Кузнечики замолчали. Пульс налился монотонным гулом в висках.

— Успокойся, — продолжал Вилен, — я никому не рассказывал про маленькое хобби твоей матери. Но про её заключение они и так знали. Когда кого-то подозревают в неверности, а тем более, когда этот кто-то — капитан команды, просто необходимо, чтобы остальные были в курсе. И могли вовремя его остановить.

Пот медленно проступал на затылке. В ноздри ужарил приторный запах марципана, которым волосы пропитались

в озере прошлой ночью. Ладонь потянулась к щетине и стала напряжённо растирать подбородок. В голове закрутились десятки вопросов, пока вдруг один не влетел в мыслительные шестерёнки, со скрежетом остановив весь механизм.

— Почему ты решил рассказать мне?

— Тебе? — Вилен будто бы и не слушал. Безучастно расслаивал травинку, глядя поверх неё. — Думаешь, мне стоит рассказать кому-то ещё? Альцету? — Ненадолго он показательно нахмурился. — Лорду Керсли? О том, что одна маленькая жемчужная устрица капитану дороже положения королевства?

— Мне плевать на эту Роялни! — поспешил откреститься Бул, но все мышцы враз напряглись, а челюсти сжались.

Вилен лишь усмехнулся. Травинку, что превратилась в маленькую ниточку, и из которой нельзя было больше вытянуть ничего, он выкинул небрежным движением и обтёр пальцы о штанины, словно от мусора.

— Да делай ты, что хочешь, с Литицией! — Его взгляд вдруг стал таким пронизательным, будто до этой минуты на обрыве они пили шесть часов и встречали вместе рассвет. Он даже положил руку капитану на колено. — Я твой друг, Бул. Мне больно смотреть, как ты разгоняешься в своём полёте с вершины. И я не верю... даже если твои родители и замешаны в том, что о них говорят, я не верю, что ты был в курсе. Поэтому и пытаюсь помочь.

Под его ладонью вздыбилась кожа, как если бы одним

этим касанием ему ставили тавро. Будто бы трепал собаку за ухом, Вилен сжал Булу колено, а потом убрал руку.

— Лично мне твоя вчерашняя глупость всё доказала, — вздыхая, бросил он расслабленно, потягиваясь, точно в постели. — Ни один шпион не станет так выставлять свои слабости, как это сделал ты. Ты не желаешь падения Маскулистана. — Он обернулся к приятелю. — Только своего собственного. Но в этом ты не единственный. Мужики нашей команды давно облизываются на твоё место. Именно они и сдадут тебя лорду Керсли. Понял?

Из-под сведённых бровей Бул сам ощущал, насколько озадачен сейчас его вид. Вилен прояснил:

— Пока ты сидишь и разглядываешь грудастых стражниц, команда ждёт рассвета, чтобы побежать к тренеру и во всей красе рассказать, в каких позах ты щекотал эту белобрысую пышку. А самое главное, у них целое озеро доказательств. — Кивком он указал на женщин, далеко в низине. Те провожали взглядом матрас, выловленный из молочного озера двумя слугами, облачёнными в чёрное. — Твой пост капитана — мишень у тебя на спине. И ночью ты сам раздал стрелы.

Слова укладывались тяжёлым тестом в черепе. Их вязкая масса давила на извилины, лишая возможности сопротивления.

— Вот только, — вновь заговорил парень, — им ведь не важно, что этот скандал станет клеймом на команде. «Капитан, лишённый титула»... грязная сплетня. «Капитан, пере-

давший полномочия на время недуга»... совсем другое дело!

Бул поднял глаза на него — нового лидера, того, кто крепко держал путы и уже во всю за них дёргал. Давящая масса твердела в черепе, затрудняя дыхание, делая его свистящим и грузным. Лишь он, человек, сидящий перед ним, предлагал решение:

— Я не пытаюсь отнять у тебя титул, Бул. Я предлагаю тебе сохранить и его, и твоё имя. И твою семью. Обелить фамилию Шигал ты можешь и в другой должности. Но если ты дождёшься, пока эти доносы выбьют пост из-под твоих ног, — он глубоко вздохнул, — ты собственноручно подпишешь признание в измене.

Незримый пузырь окружил Була, съедая внешние звуки. Лучи солнца стремительно почернели. Фигура Вилена где-то с краю зрения поднималась неспешно, вразвалку, оставляя возможность возразить и остановить его. Но в вязкой тяжести не удавалось даже поднять голову. Перед лицом чернели размытые пятна штанин, когда напарник задержался перед уходом, чтобы сказать:

— Смотри сам. Пролечиться от влюблённости, посидеть недельку в запасе и выйти на арену с новыми силами. Может, даже победить. Вроде бы лучше, чем отправлять матери передачи через ящера. Он, кстати, раздобыл для меня стрекоз, смотревших за тренировками Черрети? До схватки всего два дня. Я хочу знать их стратегию.

— Лицо от Феминистии повысило цену, — отвечал голос

Була, лишённый всякой эмоции. Парень лишь слышал, как говорил его рот. Звук пробивался сквозь скорлупу, что покрывала холодом тело.

Выдернуть из глухого помутнения не смог даже Вилен, ударивший ногой в землю.

— Проклятье! — вскричал он. — «Лицо от Феминистии»! Гонец точно хочет усидеть на двух стульях! Если он не умеет договариваться, то просто свёл бы нас лично с этим «лицом»! Ты так и будешь здесь сидеть?

Бул всё-таки поднял глаза. Свет обрамлял бритую голову Вилену белой короной и резал глаз. Он явно не собирался оставлять капитана вдали от команды одного и протянул руку. Их ладони сцепились во влажном липком рукопожатии.

***

Под подошвой шуршали мелкие камешки, а под капюшоном — частое дыхание. Светло-серые полы, прошитые золотом, развивались у Литти за спиной, и руки в глубоких карманах мантии были единственным, что мешало ткани полностью распахнуться. У самой границы девушка приоткрыла лицо и взглянула на ящера. Глаза быстро оценили уезжающую карету, поднимающую пыль, и двух других охранников, лениво рассеявшихся на камнях чуть поодаль от дороги, подставивших вишнёвую чешую солнцу. Оба вскользь пробежали чемпионку глазами и спешно отвернулись.

— Как Хоросу повезло с госпожой! — пробубнил ящер, едва открывая рот, и с тяжёлым вздохом махнул коллегам.

Литиция задержала на нём строгий взгляд, и самец быстро прикусил губу. Ящеры, что грелись под солнцем, собрав на голой груди всю пыль, выпрямились, приложили руки к невидимой преграде, и в небо взмыла стена, едва различимая, будто дрожащий воздух над жаром костра. Полукуполом она изгибалась высоко в небе, нависая над дорогой, что вела к фестивалю, лагерю, к амфитеатру и гостевым шатрам. У самой земли это невидимое покрывало приподнялось, образуя арку, словно края широкого рукава, которые светились синими, зелёными и красными призрачными канатиками.

Чемпионка быстро прошмыгнула под ними, и ноги тут же засеменяли обочиной. На противоположной стороне топталась незнакомка, скрытая такой же длиной, но зелёной мантией. Литти натянула капюшон ниже, прикрывая в движении лицо. Но вдруг женский голос окликнул её по имени:

— Госпожа Роялни?

Девушка замерла. Пот сбежал по спине острыми приткими лапками. Тихие шаги приближались, и вскоре незнакомка показала лицо. Ящерка, взрослая. Волосы под мантией лежали туго сплетёнными в косу, уложенную на плечо. Ореховый, слегка золотистый оттенок. Совсем как у Хороса. Тревожный взгляд женщины споткнулся о длинную серую мантию, что, будучи сшитой на самца, сползала с плеч чемпионки. Но задавать неудобных вопросов ящерка не стала.

— Как матери действующего чемпиона мне нельзя на фестиваль. Но я знала, что встречу вас здесь. — Её тихая речь

торопилась, слегка потрескивала как тростинка над огнём, а интонации звучали так, будто каждым словом она раскрывала опасную тайну. Поразительно, насколько она была похожа на сына. — Меня зовут госпожа Одери.

— Я так и поняла, — шепнула Литиция и громко сглотнула.

Женщина легко подхватила чемпионку под локоть, будто знала её всю жизнь, и отвела в сторону, развернув к дороге спиной. Теперь стоя против яркого солнца, Литти прятала глаза и от этого выглядела виновато.

— Конечно, чемпионку, покинувшую лагерь, поругают, — спешили слова ящерики, а взгляд то и дело стрелял по сторонам, — но когда выяснится, что именно Хорос уговорил охрану пропускать тебя, на него падёт полная ответственность.

Литиция опустила глаза. Голову будто силой придавило с затылка. Закусив губу, она не могла найти нужных слов, и только перетираала ткань на пальцах глубоко в карманах мантии.

— Госпожа Роялни, это честь для нашей семьи — выдать сына в затень чемпионке, человеческой дочери...

— Расовое неравенство давно осталось в прошлом, — словно на уроке, выпалила девушка, но ящерица лишь усмехнулась.

— Мы обе знаем, что именно означает этот слоган. — Женщина осторожно, словно ловила рыбку, взяла спортс-

менку за запястья и притянула к себе. Её пальцы оказались шершавыми, но мягкими, как поверхность залежавшегося абрикоса. Будто маленького котёнка женщина стала приглаживать ладонь девушки в своей. — Когда Хорос вылупился, я была в ужасе: как мне, чемпионке, знающей изнутри всю кухню большой арены, пробивать дорогу для... самца? Самца-ящера! Это смешно... эпидемия тяги — единственное, что дало ему хоть какой-то шанс получить внимание от института щекотального дела. Надеюсь, юная патриотка не станет отрицать существование тяги среди наших девушек?

Литти сглотнула. Ладонь, которую нервно оглаживали пальцы женщины, взмокла.

— Если бы общество было настолько же здорово, насколько с него требуют, на арене не было бы ни одного ящера, — продолжила женщина, провожая взглядом карету, что с шуршанием тормозила у Литиции за спиной, — без эффекта запретного плода, полагаю, нам вообще не осталось бы места. Золотые самцы... Какое счастье, что эталон мужчины — самец в чешуе!

Ненадолго она замолчала. Позади разговаривали охранники с кучером. В их беседе о продовольствии звучала странная деланность. Слова были слишком громкими, медленными, «правильными», будто они ставили сцену в театре. За капюшоном было не видно, смотрит ли кто-то на них, но щёки горели так, словно их, две фигуры у обочины, разглядывала толпа.

— Госпожа Роялни, я понимаю, что за этим союзом стоит нечто большее, чем взаимная выгода. — Мягкие пальцы перестали гладить ладонь и крепко сжали. — Эти Игрища... будь они неладны! Как я ни отговаривала Хороса от участия, он понимал, что должен создать себе имя любой ценой. Иначе кто же возьмёт в затенья ящера?

— Отговаривали? — Лишь сейчас Литти подняла голову и увидела, как у женщины дрожали морщинки вокруг губ, как блестели её зрачки. На секунду та сощурилась.

— Кто же добровольно захочет рисковать свободой, пока верха выясняют отношения?

— Отношения? Верха? — Невольно рука вырвалась из бархатных ладоней. — Разве Вы сами не работаете во дворце? Хорос рассказывал, что... — её слова женщина оборвала случайно, причмокнув.

— Ах, госпожа, я слежу за порядком в архиве! — Её усмешка прозвучала истерично. — Моему сыну «дали шанс» однажды тоже попасть туда! Только Ваш союз сможет избавить его от необходимости пресмыкаться. Ох... как неловко звучит. — Женщина вновь потянулась к Литиции, но та отшагнула. Тогда госпожа Одери сложила ладони у груди. — Я не знаю, по какой причине Вы согласились на эту авантюру. Но я прошу Вас, если Вы делаете всё, чтобы мой сын отступил, если покидаете лагерь в надежде напугать его, то послушайте меня — я напишу ему! Я прикажу, чтобы он оставил Вас в покое! Что бы ни произошло между вами и что бы ни

послужило причиной этого союза, я даю Вам слово — Хорос не посмеет пойти против Вас. Прошу... не подводите его под судейскую скамью.

Вновь щёки вспыхнули, словно по ним ударили кожаной плетью. Багровый румянец заставил спрятать лицо. Литти старалась говорить быстро, но слова застревали на языке:

— Хорос вовсе не шантажирует меня. Наш союз — совместное решение. Я согласна создать семью и завершить карьеру сразу после Игрищ, ведь так я не потерплю ни одного поражения.

За спиной затрещали искры магических нитей. Такие же, с которыми охрана открывала проход для неё. Через мгновение с шорохом покатались колёса, и глухой цокот копыт устремился вдаль. Женщина с длинной косой и мягкими от возраста чешуйками молчала. Взгляни на неё, взгляни же! Литти подняла подбородок. Ящерка, плотно сдавливая ладони, глядела знакомыми янтарными глазами и совершенно незнакомым выражением, за которым пропала всякая надежда. Позади неё сияло солнце. Лучи разливались во все стороны и заставили прикрыть лицо.

— Госпожа Одери, — вздохнула Литти и убрала руку, позволив солнцу её ослепить. Плечи её опустились, а глаза снова устремились в подол зелёной мантии. — Решается судьба королевства. Я — патриотка и буду защищать интересы моей страны. Но я узнала кое-что, что... вызывает тревогу. Я пробовала обсудить это с Хоросом, и с тренериней. И с

Оренэй. Но пока вопросов больше, чем ответов. Я не пытаюсь причинить вред Хоросу, наоборот. Я расследую всё сама. Ему ничего не угрожает.

— Ты... *расследуешь?* — Подобно взгляду сына глаза ящерики забегали, и точно так же запульсировала жилка на шее, прямо под ниткой жемчуга.

Из-под мантии чемпионка огляделась по сторонам. Пыльная дорога, изрезанная следами повозок, убегала далеко к городу, скрываясь в неровных лесах и высоких крышах от первых отельных изб. Охранники перед невидимой стеной возлежали на нагретых камнях. Неспешно они перекидывались односложными словами, будто играли в какую-то игру. Но разобрать слова было трудно. Литиция переступила с ноги на ногу.

— Хорос просил не обсуждать это с ним, чтобы не втягивать в возможные неприятности. Я не думаю, что нам с Вами стоит обсуждать это, госпожа.

Женщина шагнула вплотную. Это ещё зачем? Её глаза впились в девушку, и жилы внутри напряглись. Ладони в карманах стали влажными.

— Речь об Оренэй? — уверенно произнесла женщина. — Ты желаешь подвинуть её с пьедестала? Это не проблема. Я добуду всю необходимую информацию, только прошу, не подставляй под удар моего сына.

— Что Вы, Трифти моя подруга! — Литти отступила на шаг, но ящерица вмиг выросла перед ней снова.

— Проблемы с Долсон? — Она набрала воздуха, будто прыгала в море, и произнесла: — С сёстрами Черрети?

— Да дело в золотых самцах! — выпалила Литти, и на секунду даже стрекотание в траве затихло. Она глубоко вздохнула. — Я знаю о них. Знаю, что младенцев-мальчиков забирают во дворец, госпожа Одери. Вы работаете в архивах? Тогда Вам должно быть известно больше меня. Их... их передают первоначальному самцу, я права?

На секунду женщина окаменела. Два глаза, точно рисунок на фарфоре, смотрели, не мигая, а грудная клетка забыла дышать. Первым задрожал хвост. Здоровый, подогнутый вокруг тувель, в два раза крупнее, чем молодой хрящевой отросток, что только-только восстанавливался у её сына, пурпурный хвост вытянулся кзади, став твёрдым, как ветка, и только его кончик, будто у гремучей змеи, затарабанил по сухой земле. Женщина вытянулась. В одно мгновение всё лицо её изменилось, словно к Литиции применили иллюзорную магию, за которой она не узнавала знакомых. Ящерка улыбнулась приветливо, как встречают почётных, бесконечно чужих гостей.

— Я прошу прощения, что отняла Ваше время, госпожа Роялни, — сказала она, и хвостом, что вдруг снова стал мягким, обвила колени, делая шаг назад. — Я не могу помочь Вам в этом вопросе. Хоть я и не поняла до конца, о чём идёт речь. Я желаю Вам победы на Игрищах во имя нашего славного королевства.

С каждым предложением она отходила на шаг, словно почувяла хворь и опасалась ею заразиться.

— Славится гордая Феминистия, — повиновалась чемпионка упоминанию королевства, но растерянно, как дети повторяют новые правила, ещё не понимая зачем.

Ящерка же подобрала хвост в руки, сумбурно, словно не понимала, что делает, и пятилась, не отрывая от девушки взгляд. На затвердевших, почти не сгибающихся ногах она неловко поклонилась в пояс и, даже не дожидаясь ответа, заспешила к городу.

Литиция поклонилась ей уже в спину. Холодной рукой она вытерла пот со лба. Под капюшоном не хватало воздуха, как в голове не хватало места от быстро плодящихся мыслей. Они распирали череп настойчивым пульсом, скребли вопросами, на которые не было ответов. Натянув ткань до самых бровей, она заспешила вперёд по пыльной дороге. Чёрта с два она ещё хоть раз заговорит о золотых самцах! По крайней мере, с живыми.

***

У ворот на Аллею Благости никого не было. Литиция низко поклонилась, прежде чем переступить порог, за которым её ждут ответы. Как только она ступила на чернозём, по ногам вплоть до середины голени, прямо через туфли поднималась клокочущая вибрация. Из самой земли, словно что-то под ней нескончаемо ворочалось. Деревцки стояли невысокие, ни одного листика, ничего кроме сфер на них не росло,

но солнце пробивалось сквозь их ветви неохотно. Девушка углубилась по главной широкой тропинке. Множество гномоподобных деревцев протягивалось в первых рядах. За ними росли человеческие, но невысокие. Среди них затесалось много ящеров. Подол серой мантии шуршал за спиной, пока Литти неспеша шагала всё глубже. Яркие сферы вспыхивали, откликаясь патриотическими песнями на её поступь. От сферы к сфере, в которых сменялись мотивы, она напевала себе под нос. Лица немужей, утопленные в сухой коре, не меняли застывших выражений: выпученные глаза, изуродованные усилением черты, истошно вопящие челюсти, теперь уже, правда, не издававшие ни звука. Первая благодать Аллеи — осознание немужем его порока.

Под ногой хрустнул корень. Сухой. Он торчал из земли, а внутри был полностью обезвоженным. Литти шагнула к деревцу. Хиленькое, накрённое, всего с одной созревающей сферой, и та слишком маленькая и бледная. Сучков было мало. Всего две крупные ветви. Обе клонились вниз.

— Так ты не принесёшь королевству благодать! — отругала спортсменка деревций, хоть он и не понимал.

Она приподняла тяжёлую ветку, с которой рос, медленно ворочаясь, бледный туманный сгусток. Но стоило отойти, ветвь снова наклонилась к земле. Сфера молчала. Литти, недовольно вздохнув, встала напротив деревца. Молодые черты самца покрылись корой. Но не твёрдой. На бровях проступал мох, рот открывался в глубокое дупло, пустое

и иссохшее. Девушка присмотрелась к чертам. Выражение крика — первой благодати — искажало их, но они всё ещё узнавались.

— Том? — протянула она в полный голос. Окружающие сгустки света от соседних деревьев засияли, запели громче, переливаясь огнями. Несколько сфер вошли в резонанс, исполняя тёплыми женскими голосами одну и ту же колыбельную. Литиция, не веря глазам, шагнула ближе к хлипкому стволу с дуплом. Прямо перед ней на уровне носа беззвучно вопило лицо. Знакомое. «Литти-большие тити!» — как сейчас вскричал в голове его детский, ещё не сломавшийся голос, всегда теряющийся за хохотом одноклассниц и эхом длинных глиняных коридоров, по которым убегали его ботинки.

— Литти! Девочка Литти, — вдруг провыла единственная сфера на ветке женским голосом, наложив имя на известный весёлый мотив.

Чемпионка отступила. Туманный сгусток, внутри которого дрожал слабый свет, закрутился активнее, будто туча в самый разгар урагана. «Литти, девочка Литти» — повторило оно.

Сердце забило под мантией. Руки схватились за полы и плотно запахнули их, словно в полотенце после купели. Всё ярче единственная сфера деревца разгоралась розовым свечением, набухала, как молочная пенка в кастрюльке, и пела: «Литти, девочка Литти», снова и снова путая текст из-

вестной песни.

— Так вот, почему ты так вёл себя. Ты — немуж. — Чемпионка отступила ещё на полшага. — Как же я не разглядела в школе...

Голоса других сфер забивались в уши, как гул плохо настроенных тромбонов. Слова колыбельных в них звучали неестественно. Вибрация земли больше не успокаивала. Выпустив на лицо пряди, как штору, девушка зашагала от нездорового деревця подальше. Так далеко, где перестанет слышать своё имя.

Под ногами хрустели опавшие веточки. Далеко впереди, между высокими мускулистыми стволами, мелькала фигура слуги. Самец складывал созревшие сферы на большую повозку, и та сияла ими, будто сорванными с неба звёздами. Чемпионка нырнула под раскидистые кроны деревцев-эльфов. Здесь начинался настоящий бурелом. Самые причудливые сплетения и непроходимые чащи, в которых так любят играть дети. Но здесь детей не было. Полкилометра до фестиваля с толпой чужестранцев. Какие уж дети! Девушка вздохнула.

На каждой табличке выжженные буквы указывали на год посадки, и лишь некоторые сообщали также имя госпожи, распознавшей немужа и сообщившей о нём. Неподалёку от невысокой горки с торчащей лопатой разрослось непривычно высокое растение, увешанное яркими сферами, которые уже пора было собирать. Надпись перед ним гласила «име-

нем Её Благородия госпожи Микотти». Литти воскликнула. Быстро присев перед пыльной табличкой, она начисто вытерла надпись ладонью. Сомнений не осталось: младшая советница главушки Молочных Озёр! Ей тоже пришлось столкнуться с немужем, и она не смолчала — лично воздала благодать королевству.

— Какая молодец! — Ладони взлетели в воздух и с хлопком сложились у шеи.

За паутиной веточек, врастающих друг в друга непролазной паутиной, терялось солнце. Крона не несла ни одного листика, и тяжёлые ветви трещали, покачиваясь, как тросы старого корабля. Даже в глубине древесного лабиринта наливались молодые сферы. Ещё слишком яркие и небезопасные. Их музыка вырывалась крикливо, обрывисто и больше напоминала бредовое бормотание, чем привычные песни.

— Что ж, ты-то мне и нужен! — оттряхнув ладони, заявила спортсменка.

Она украдкой оглянулась. Слуга, что складывал сферы где-то у входа на Аллею, остался далеко позади. Отсюда его не было видно. Кругом царствовал гул, волнообразно нарастающий и стихающий. Он плакал многоголосьем, укутывая девушку, как и густая древесная паутина, от лишних глаз и ушей.

Она придержала спадающие ветви. Те кренились книзу, напоминая побеги плакучей ивы. Внутри же колючей кроны, сплошь поросшей сучками, плодоносной и яркой, она ока-

залась, точно в волшебном гнезде, усеянном свечками. Лицо эльфа, сухое, затянутое толстой корой, почти полностью слилось с древесным рисунком.

Девушка обернулась вокруг себя. Яркая крона осыпала нежно-голубыми всполохами. Спелые сферы пульсировали, напевали мелодично, молодые — крикливо, но в два раза ярче сияли. Рука под мантией коснулась ствола, довольно проползла снизу вверх.

— Хвала учёным Феминистии, деревций! — Рука довольно похлопала по стволу. Голубые огни сияли в глазах, что жадно впитывали окружавшее их убранство. — Благодаря им ты и тебе подобные обретают истинное обличие, в котором способны принести благодать королевству!

Яркие плоды откликнулись гимном. Как их музыка разлилась по Аллее, так и улыбка разлилась у девушки по лицу. Она надолго прислонилась спиной к стволу растения, которому никогда не следовало рождаться, как самцу, и спела вместе с хором его голосов. Когда последние трубы отзвучали, с ветвей полился детский смех, свист и неровные аплодисменты маленьких ладошек.

— У тебя была большая семья, — догадалась Литиция, и тут же деревций откликнулся новой песней, популярной в садиках среди младших групп. Девушка его остановила. — Но ещё тебя велела посадить сама советница главушки. А значит, ты работал в её дворце. — Тут же она приказала: — Любимая песня главушки!

Созревшие плотные сгустки сразу стали повторять слова девушки. Они растягивали их в разных мотивах, вспоминали песни, имевшие слова «любимая» или «дворец», но не исполняли приказ, как разумные существа. А вот незрелые, яркие светочи вели себя иначе. Молодые сферки закричали резкими голосами, перебивая всех. Они пели иностранную композицию, в которой Литти не разбирала слова. Мелодия была задорная. Мажорная скрипка, бубенцы, насвистывания, словно крики из кабака. Слышалось даже, как каблук выбивает удары о половицы. И где это помощник главушки мог такое слышать...

Пока песня играла, Литти ухватила за толстые ветки, подтянулась и, оперившись ногами о ствол, забралась в пышную крону. Ветви лезли в лицо, другие оттягивали мантию. Зато не упадёшь. Переплетения сучьев, будто сотни раскрытых ладоней, создавали идеальное полотно, почти что гамак. Она пролезла ещё выше, туда, где сияла молодая сфера, совсем острая, не закутанная туманом. Провалившись в колючее гнездо, девушка добралась до цели только к самому концу песни. Нижние пухлые сферы замолкли. Литти убрала пряди с лица. Добравшись до верхушки, она уже вся взмокла, и пыль на ладонях свалилась в мокрую грязь. Новое желание она сказала персонально для молодой сферы, чьи воспоминания ещё не отшлифовала защитная магия:

— Золотые самцы!

— Золотые самцы? — переспросила та голосом госпожи

Микотти, высоким и требовательным, и тут же все нижние сферы снова запели. Но голос главушки перебивал их пение: — Почему не золотые мальчики? Почему не золотые мужи? Мой избранник что, такой же ширпотреб, как обычная челядь? Несправедливо!

Пурпурные глаза раскрылись. Крепко держась за ветки, девушка глянула за спину. Сквозь сухие сплетения хорошо просматривалась Аллея. Сияния голубых, жёлтых огней в ближайших кронах. Сотни, тысячи деревьев и ни души в округе.

— Вытянутые яйца! — шепнула Литиция в самую яркую точку светоча. Он вскричал в ответ тем же голосом, громко ахая и изображая стоны. В ту же секунду Аллея сошла с ума. Друг за другом сферы подхватывали охи, входя в резонанс и превращая стоны в песню. Залившись пунцовым жаром, девушка протараторила, забираясь с носом в незрелый светоч: — Первоначальный самец!

Опера страсти, уже охватившая Аллею, не кончалась. Молодая сферка никак не реагировала. Немного погодя, девушка повторила громче, но на это лишь несколько сфер добавили к своим пениям слово «самец». Она нахмурилась, сложила ладони у яркого плода и попробовала снова:

— Двойники!

Вальс вздохов продолжался. Ни одна из сфер не нашла, что ответить на это, и просто продолжила музыкальные сочетания громких охов и инструментов. Голоса мешали ду-

мать. Спортсменка вскричала единственное, что вспомнила под атакой стонов:

— Младенцы-мальчики!

Аллея продолжала стонать. Но яркое светило, молодой плод, перед самым лицом замер. Острые язычки тумана потемнели, приняли фиолетовый оттенок, совсем чёрный в сердцевине и задрожали, как настоящий огонь. Голос юной девушки, тот же самый, что только что отдавал приказы, теперь вздрагивал.

— Почему? — Через искажение воспоминаний в нём был слышен разлом. — Почему я должна его отдать? Не хочу! Не хочу! — Сфера вдруг так завизжала, что Литти вздрогнула.

Ладони взметнулись к ушам. Замерев на секунду, чемпионка снова высунулась из паутины веток и увидела вдалеке церемонию. Два слуги, несколько дам в цветастых платьях, госпожа, регистрирующая процесс, и охранницы, волочащие по земле саженец. Голова девушки спешно юркнула обратно в крону. Посадка не быстрая, но лучше переждать. Тут же на глаза попала неглубокая ямка. Прямо перед деревцем, в котором спортсменка пряталась. Свежая насыпь, лопата и воткнутая рядом с ними табличка. Не доставало лишь саженца.

— Вот чёрт!

Яркий светоч быстро нашёл, что ответить. Аккомпанемент вокруг сразу сменился. Плечи накрыло кипящей волной, под которой вздыбились волосы, ударившись в липкий

пот. Не высовываясь из веток, Литти взгляделась в тропинку. Идут прямо к ней, к чемпионке, покинувшей лагерь в чужой мантии, чтобы расспросить саженец, работавший во дворце! Лучше и не придумать! Скользкими пальцами она быстро отколола брошь, чтобы снять мантию. Ткань она скрутила в плотный шарик. Бросок между веток, он шлёпнулся возле ствола. Туфли засуетились в воздухе. Скользнуть по коре, ухватиться за выступ. С хрустом собирая сучки по пути, чемпионка ухнула на землю. Из-за деревьев выплывала церемония. Впопыхах Литти накрылась мантией и, пригибаясь к земле, понеслась к дальнему выходу. Монотонное чтение церемониального текста споткнулось, когда она уже скрывалась в зарослях. Она не остановилась. Не обернулась. Пульс бешено колотил, и с той же скоростью подошва била по черной подошме. Мантия норовила слететь с головы, но Литти держала её обеими руками, даже не пытаясь на бегу застегнуть на брошь. Ещё через несколько метров чащи она, наконец, остановилась, обернулась к густому саду за спиной и только тогда поняла, что броши у неё с собой нет.

— Проклятье! — воскликнула она, и сферы вокруг притаились, медленно затихая друг за другом.

Стройные ряды костлявых растений погрузились в тишину. Одна только настойчивая вибрация подбиралась к ногам через обувь, и где-то далеко в глубине, не способный протолкнуть сквозь паралич ни единого слова, вопил самец. Скоро он начнёт приносить благодать. Литти, тяжело дыша,

двинулась к выходу. Щёки горели, платье липло к спине, а под капюшон как будто подложили горячих углей. Но она не спешила открывать лицо. Вдруг резко, будто кто-то рассёк крик взмахом лопаты, ворвалась тишина.

— Благости! — шепнула под нос чемпионка, не оборачиваясь, и с сухим хрустом туфли зашагали вперёд.

***

Было тихо. Ящер на краю постели не храпел и не ворочался. Литти в шестой раз перевернулась на спину, но уже не закрывала глаза. Вверх уходил розовый купол. Через отверстие в самой высокой точке шатра внутрь залетали блёстки. Откуда они вообще берутся? Она вздохнула.

С улицы доносилось слабое щебетание сфер. Утреннее. К холодным плечам она подтянула одеяло, скомканное посередине кровати, а заодно и накрыла ящера. Он лежал на боку, отвёрнутым к гобеленовой стенке, будто за всю ночь ни разу не двинулся. По бледным, слегка желтоватым чешуйкам струился рассеянный свет. Бесцельно пальцы бродили по спине ящера, пока под них не угодил пузырьрёк. Толстый и плотный. Подсохнув по контуру чешуи неровной трещиной, он так и просился под ноготь. В голове шипел морской шум. Не то спокойствие, что бывает в горячей ванне, когда смотришь, как пальцы медленно тонут под водой, а что-то больше похожее на танец голосов, которые окружают, когда садишься у фонтана на людной площади. Ты слушаешь всех сразу и в то же время никого конкретно, истории облетают тебя,

скрывают, как лоскутные афиши доску для объявлений.

Хруст. Чешуйка откололась от Хороса. Палец угодил в ямку, открывшуюся под сухим пузырьком. Кожа под ним оказалась сочной, насыщенной, как надкусанная вишня. Литти замерла. Ящер, сонно втягивая воздух, неспешно развернулся под одеялом с недоумённым видом. Сощуренный, слегка обиженный взгляд не требовал слов.

— Я случайно, — шепнула Литти. Рука так и застыла, и девушка быстро подобрала её к груди, специально приспустив одеяло перед бледным, чуть отдающим желтизной ящером, одна маленькая пурпурная искорка на плече которого вмиг разбудила в животе огненных угрей.

— Не надо их ковырять, сами отвалятся, — протянул тот, зарываясь бочком в подушку, и в ответ потянулся к руке чемпионки. Его пальцы оказались сухими, но он старался не прижиматься ими, а только слегка вести поверху, будто листочком. — Тебе из-за этого не понравилось вчера щеко-таться, из-за линьки?

В уме с трудом сложились воспоминания прошлого вечера. Похвала госпожи за высокую выносливость, косой взгляд Долсон за ужином, часовая мучительная разминка перед сном. Лицо сморщилось.

— Нет, Хорос. Просто прятаться, пока нам не одобрили союз, — это сковывает.

Самец тяжело вздохнул. Не поверил? Он заправил прядь волос ей за ухо и долго разглядывал что-то в глазах с груст-

ным, почти траурным видом. Литти не выдержала:

— Что?

На это он поджал губы и развернулся на спину. Она при-тянула тёплое одеяло до шеи.

— Помнишь, я просил не втягивать меня в то, что может оказаться опасным? — Его сонный, чуть першащий голос обращался прямо в потолок. — Если бы я этого не просил, ... ты рассказала бы мне, кто ты?

Слова сбили с толку, будто карточный фокус.

— В каком смысле «кто я»?

Он обернулся.

— Я знаю, что ты шпионка.

Заявление врезалось, словно слизняк в лицо. Она опешила, а он смотрел не мигая, но чем дольше тянулось молчание, тем чаще вздымалась его грудь и всё чаще прыгал его взгляд с одного её глаза на другой.

— Ты чего несёшь-то? — наконец, выпалила Литти.

Она резко села в кровати, и, точно испугавшись внезапной атаки, ящер вдруг сгруппировался, закрывая лицо.

— Я никому не рассказывал, госпожа, и не расскажу! Я буду молчать, и мне ничего за это не нужно! Я только... хочу понять, кто я в этой схеме?

Плашмя ладонь влетела в его плечо. Подсохшие роговые чешуйки треснули группой, будто горстка орешков под камнем. Ящер покорно сжался, и за это девушка ударила его ещё сильнее. Первые сухие чешуйки посыпались на кровать.

— Что это ты там «не расскажешь»? Я — патриотка, Хорос! Как ты смеешь обвинять в шпионаже будущую госпожу свою? Подлец!

— Я никому не донесу, клянусь чувствительностью!

— Ах он не донесёт! — Она размахивалась всё сильнее, но это только распалило костёр обиды внутри. От ударов горела ладонь, и за это снова хотелось стукнуть ящера лишь сильнее. — Что это ты собрался не доносить!?! Что ты несёшь вообще!?

— Пожалуйста, не убеждай меня, что мне всё мерещится! — Он будто говорил сам с собой, с гобеленом, с воздухом, но не с ней. Как яркого солнца, он избегал её глаз. — Я знаю правду.

— Да какую правду!?! — В этот раз девушка ударила одеяло, двумя руками, от бессилия.

Вместо ответа самец поднялся на ноги прямо на постели, обогнул спортсменку и, быстро сдёрнув со стула свою светло-серую мантию, покинул шатёр. Литги не поверила глазам. Около минуты она смотрела на колыхающийся полог, за которым то ярче золотились лучи, то снова тускнели. Щебетание постепенно набиралось, и в нём нельзя было распознать, какие голоса принадлежали живым птицам, а какие пародировали сферы.

Всунув стопы в пушистые тапочки, чемпионка подошла к резной ширме в центре палатки, где на невысоком табурете стоял таз. Несмотря на тёплый воздух шатра, вода оказалась

ледяной, и умывание мгновенно настроило на лад состязаний.

Когда она обсушила лицо полотенцем, под полог вернулся Хорос. Бравая стойка, возбуждённый вид. В руке он держал бумажный лоскут. Чьё-то письмо. Мантия висела раскрытая нараспашку и придавала даже бледным чешуйкам щекотливый вид. Разбуженное нутро вновь заворчалось.

— «Литиция Роялни», — зачитывал он, большими шагами сближаясь с девушкой и тыча в чернила, — «Воспитанница Олеандра и Растофы Роялни, биологические родители неизвестны». Твои воспитатели — владелица цветочной лавки и бумажный фермер! Не говори мне, что ты попала в институт щекотального дела за таланты, Литиция. Ты, безусловно, блестящая чемпионка, но каждый из нас знает, как на самом деле попадают на арену. Тебя внедрили по спецзаданию, я прав?

Перед лицом дрожал бежевый лист, каллиграфический выверенный почерк приводил цитаты из архива. «Сынок, она не та, за кого себя выдаёт. Прошу тебя, одумайся». Чернила пульсировали в глазах, и воздух вдруг стал холодным. Она сделала шаг назад. Колени подогнулись.

— Госпожа моя! — Хорос дёрнулся наподхват, но она устояла.

Ледяные ладони прижались к лицу. Какие яркие малиновые стены! В них томилось слишком много непригодного для дыхания воздуха. Ничего не говоря, Литти протопала на

улицу неустойчивыми шагами.

Снаружи солнце блестело в камнях, в грядках перед шатрами, отражалось от лепестков гладиолусов, разливаясь в них яркими красными, фиолетовыми цветами. Рядом вновь возник ящер.

— Дай сюда! — Рывком девушка отобрала письмо.

Зрачки прыгали по строчкам. Цитаты, ссылки на архивные записи, уговоры подыскать новую пару. «Любая ящерка будет счастлива взять в затенье элитного чемпиона! Может, ты не приумножишь статус, но сможешь его сохранить. Снизь планку, пока ты ещё привлекателен».

— Она врёт! — крик пролетел стрелой через спящий лагерь. На секунду щебетание смолкло, и уши наполнило собственное дыхание. Она вернула бумажный лоскут ящеру, чьи глаза сами бегали в поисках правды. — Мы столкнулись с ней позавчера у границы фестиваля. Я была в твоей мантии, бежала к Аллее. Я не понравилась ей! Она всё придумала. Правда?

— Слепки записей настоящие. — Растерянно самец сжал в пальцах письмо. — Ты... ты что, не знала?

— О том, что мои родители — мои воспитатели? Кто вообще станет такое скрывать!?

Она заправила волосы, прижала ладони ко лбу, но собственное тело казалось тюрьмой. Кожа делалась неудобной, словно грязный костюм, пропитанный остывшим потом, жёсткий и клейкий. Мысли зудели в костях, а лагерь, каждый

надувающийся парусом полог, каждая бархатная тропинка, собирающаяся на поворотах в гармошку аккуратно, будто её намеренно складывали, напоминал декорации, лгал.

Хорос притронулся к её волосам. Рука инстинктивно его оттолкнула, но он поднёс прядь к её носу. Темнеющую, плавно переходящую в угольный прядь.

— А твои метаморфозы?

— Какие ещё, к чёрту... — взгляд застрял в собственных волосах. Она гневно вырвала их из рук ящера. — Да не скрываюсь я ни от кого, Хорос!

Она решительно ворвалась обратно в шатёр. Несколько грузных шагов до зеркала, и острые ножницы сами легли в её руку. Подобрал копну, почерневшую на концах, она занесла лезвие, пыша гневом.

— Стой! Госпожа! — Ящер бросился в ноги. С занесённым лезвием, девушка содрогалась всем телом, пока самец хватался коготками за её лодыжки. — Литиция, я всё неправильно понял! Ты задавала столько вопросов, так необычно себя вела, набросилась на меня в первую ночь, я... прости меня! Стать затеньем человеческой чемпионки для меня — предел мечтаний. Я так боялся это упустить, и решил, что это всё чудесный сон. Мама сказала, ты опасна, и я... испугался.

— Думаешь, я заколдована? — звенели пугливые льдинки её голоса на острие раскрытых ножниц.

— Что?

— Как немужи. Растения, случайно рождённые в обличие самцов и потому ненавидящие их природу. Я такая же, ненастоящая? Заколдованная разрушить Феминистию, и потому стремлюсь туда, где мне быть не надо. Все эти мысли в моей голове, все мои чувства, и эта тяга... я создана, чтобы уничтожить единственное, чем восхищаюсь — моё королевство?

— Славится гордая Феминистия, — продолжая обнимать её ноги, прошептал самец клич, обязательный при упоминании королевства.

Чешуя на его хвосте затрещала от крутых изгибов, в которые тот закручивался, пока Хорос подбирал слова. Руки спортсменки обмякли. С опущенными плечами она разглядывала чужое отражение в зеркале, и когда ящер аккуратно потянул за ножницы, она позволила себя обезоружить. Быстро они вернулись на трюмо. Хорос поднялся на ноги и глядел не в отражение, а ей прямо в глаза.

— Ты живая личность, Литиция. Это отличает тебя от растений. Даже если ты заколдована, мы сможем это изменить. Кем бы ни были твои родители, ты выросла здесь. Твой дом — Феминистия. Я помогу тебе, хорошо? Мы заключим союз и будем счастливы. Главное, чтобы ты не поддавалась колдовским порывам.

— Но, Хорос, — голос её дрожал, как хрусталь, — тяга к тебе, возможно, и есть часть этого колдовства.

— Тогда мы тем более должны выяснить всё до союза.

Мне незачем обрекать себя на разрыв такой связи, на унижение в обществе. Доверься мне, я истинный самец Феминистии и готов быть твоим компасом в любых вопросах, госпожа моя! Что бы ни успело уже произойти, ты можешь остановиться сейчас, верно? — сухими, непривычно тёплыми пальцами он сжал её руку. — Я уверен, на самом деле тебе совершенно не важно, что там с этими золотыми самцами! Настоящей тебе важны только Игрища, тренировки. Верно?

Из зеркала на неё смотрела растерянная незнакомка с нечесаными белыми волосами, что темнели к концам, грудью, разъехавшейся в стороны, нелепо приоткрытым ртом, но с красивым статным ящером, что прижимался щекой к её плечу. Она пыталась найти внутри решимость, которой он ждал, собирала из обрывков напряжённого дыхания. «Ты ведь понимаешь, что они неразумные?» «На ком они наловчились?» «Не отпущу». Шершавая ладонь приобняла её с другой стороны, словно двое позировали для портрета. Он всё ещё ждал ответ, а она так и не могла понять, кто она.

— Ты не обязана излечиваться в одно мгновение, — загладил сомнения его голос, мягкий, как крем для коржа. — Давай начнём с одного единственного дня. Скоро восьмая финала. Пообещай мне только на сегодня оставить своё расследование. Будем тренироваться, и если начнут мучить мысли, ты скажешь мне. Хорошо?

Этот крем не успокаивал её гудящие извилины. Колдовство, если оно было, уже начинало сдавливать жилы. Но она

должна сопротивляться! Ради королевства! Верно?

Она кивнула.

Глава 4. Чистота одной девушки

Эхо прогремело в камнях тоннеля:

— Роялни! Стой!

Литти обернулась на звук. Тяжёлый цокот усиливался глубоко в темноте. Спина тут же выпрямилась, грудь выдвинулась вперёд. Каждый удар каблука отдавался в плече чьи-то невидимыми пальцами. Кожа под ними твердела. Из темноты, уверенно отбивая платформой, проступала высокая фигура с туго затянутым на затылке хвостом. Сегодня комбинезон первой советницы отличался сочетанием остро заточенных, торчащих иглами камней с неожиданно нежным, розовым, как небеса королевства, оттенком. Ими было покрыто всё тело, начиная от плотного ворота и заканчивая нижней третью бедра, докуда доходили сапоги. За спиной уже объявляли на выход, голос ведущей вибрировал в каменной арке. Под кожей тысячей неуёмных точек разбегалось эхо скандирующей толпы.

— Твоего соперника заменили, — оглушила тренериня известием, едва поравнявшись с чемпионкой у самого выхода на арену.

— Вот как? — Литти не смогла сдержать усмешку. — Капитан струсил?

— Он больше не капитан. Тебе стоит плотнее следить за новостями. Их команда привлекает внимание самыми

грязными способами. Типично для Маскулистана. Бардак во дворце, и то же самое в команде. У Була заявлено заражение паразитами. Он отправлен в запас.

— Что, паразиты!?! — Из Литти вырвался короткий звук, полусмешок полувсхлип. — Госпожа, он лжёт. Он избегает раунда со мной, потому что испу...

— Я знаю. — Тихо, холодно, почти безразлично ответила тренериня, и взгляд её скопился на длинные пряди девушки. Туда, где проглядывали непривычные вкрапления, словно чёрные донные камни сквозь серебрянный ручей. Лицо госпожи заострилось, точно у кошки перед броском. Но на секунду впившись раскалённой иглой, взгляд быстро смягчился. Литти скованно убрала волосы за спину, и тренериня продолжила: — Мы уже затребовали доказательства от их лекарей, но это ничего не изменит для сегодняшней схватки. Против тебя выйдет другой соперник. Боршер. Он кентавр.

Дыхание спёрло. Неделю готовиться к схватке с человеком, чтобы в итоге против тебя поставили кентавра!?! Гадство! Литти сдавила виски, будто её голова угрожала расколоться на две половины. Ведущая Игрищ снова позвала чемпионку, и с грохотом под арку хлынула волна аплодисментов. Госпожа Ганлая наклонилась, чтобы их глаза сравнялись.

— Это твой шанс, Литиция. — Её тёмные, почти чёрные радужки с лёгким отблеском вишни вдруг заняли собой всё пространство. От них невозможно было отвернуться, словно

они закинули внутрь крюк и держали за него само сознание. — Ты заявила о себе, тебя выделил капитан, теперь ты поставлена в экстремальные условия. Если ты проиграешь, никто не сочтёт тебя слабой. Но если выиграешь, — взяв паузу, госпожа вновь выпрямилась, и её голос, точный, словно барабанная дробь, загремел в сыром своде амфитеатра, — ты станешь новым лицом Феминистии!

Искры её пламенного голоса осыпали плечи. Над ухом слышалось жужжание, и сразу из-за спины налетели стрекозы. Мелкие, не больше осы, подлетали к самому носу. Другие крупные, размером с ладонь, задерживались на расстоянии вытянутой руки. Трибуны вопили и топали в предвкушении раунда. Литти развернулась к арене. Раскатистым эхом сфер разливался клич Феминистии, крики в поддержку соперника, бессвязный гул. Но никто не кричал её имя.

Она расправила волосы, как этого требовал образ в сером летящем платье на тонких лямках, через которое просвечивали все части тела, включая даже пупок. На прочной нити в декольте уходил белый камень. Вдох-выдох. Ждать, пока топот сердца уймётся, уже не было времени. Над ареной сгущалось облако, чтобы в нём проявились лучшие образы, увиденные стрекозами. С него на болельщиков смотрели распахнутые пурпурные глаза. Насекомые настойчиво кружили перед носом. Улыбайся, Литиция! Она расправила плечи. Подбородок выше, грудь перед собой. Встречайте новое лицо королевства! Она шагнула на ковёр драгоценных оскол-

ков.

С первого же шага свет ворвался прямо в голову. Стоило туфлям ступить на блестящую гальку, точно бурлящий стекольный океан, сияние сфер, божественно-белое, будто с десятков маленьких солнц, напало на сетчатку. Сердце забилося в клетке. Всё быстрее и чаще. Каждый шаг вдавливал каблук в зарево осколков. Ноги непослушно спешили вперёд.

В ветре кружились слова ведущей, разгоняемые эхом всех сфер:

— Роялни — Боршер — замечательная пара, открывающая восьмую финала! Каждая хочет войти в десятку активных участниц и участников, что пройдут в следующий тур!

Голос гудел, усиленный в тысячи раз, бежал по рукам, поднимая дыбом волоски. Туфли проваливались в податливую гальку. Камешки разбежались от каблуков, будто миллионы маленьких ручек, что норовили утащить под землю или хотя бы сбить с ног. В самом центре арены она ступила на коврик. Зрители притихли. Перед ней возвышались два самца в ярких сапфировых плащах. Хранители камня. Загорелая взмокшая кожа с рельефным прессом, по которой стекали блестящие капли, переходила в густой шерстяной покров, что лоснился на мощных бёдрах. Каждый из самцов возвышался над девушкой на добрые две головы. Её тело, обычно крупное среди чемпионки, между ними казалось игрушечным. Просто стоя в полупоклоне с подносом на руках, каждый из кентавров несравнимо превосходил её габариты. Со-

перник именно таких размеров ждёт её в этом раунде. Литти сглотнула.

Хранители приспустили поднос, и в воздухе разлился лёгкий запах мокрого мела. Сотни дырочек придавали камню вид белой морской губки.

— Позвольте нанизать на Ваши оральные бусы? — Боршер, по другую сторону матов, уже расправился с артефактом, и хранители занялись добавлением нового камня к трём рядам его бус. Толпа рьяно заголосила.

Чемпион не сводил глаз с противницы. Его роскошная шевелюра, переходящая в настоящую гриву, абсолютно неподвижная мимика, и только взгляд — раскалённый стержень — внедрялся внутрь, вызывая болезненное сопротивление.

Литти вздёрнула волосами и уверенно надкусила артефакт. Вкус изменился. Сухая сыпучая структура, похожая на кондитерскую крошку или заветренный творог, отдавала чем-то приторно-земляным. Тщательно прожёвывая пористую массу, она взглянула на дальние трибуны, где рассеивался солнечный свет в плакатах и слепящих мантиях. Чемпионская ложа. Укутанные в шкуры маскулистанцы. Посреди летнего зноя! Зубы разжёвывали артефакт, никак не слипающийся в большие комки, а глаза вглядывались в смазанные фигуры. Спортсменок одели во что-то жёлтое, самцов — в красное, почти оранжевое. Литти сощурилась, но всё равно не могла разглядеть капитана. И почему она вообще

его ищет? Она отвернулась.

Боршер свёл руки у груди, задрал голову. Его поза напоминала стражницу перед дверями элитного дворца щекотаний. А мелкая крошка на зубах всё никак не желала слиться. Челюсти заходили быстрее. Железы спешили смочить слюной сухие развалины. Но тщетно. Уголок губ противника дрогнул.

Её сердце забилось чаще. Поток криков с трибун, стоявший монотонным шумом, будто валяющийся водопад, стал стихать. Уже пора выплёвывать, пора смотреть результат. Волоски на коже медленно превращались в иголки. На блюде танцевали солнечные блики, куда уже с минуту спортсменка должна была сплюнуть схватившийся камень. Но он продолжал рассыпаться во рту. Взгляд снова метнулся на чемпионскую ложу, а в голове — крепкий чай его глаз, его пальцы, сжимающие её ягодицы, его губы... Холодная капля от затылка сбегала вниз по спине. Будто молоточек по ксилофону, она отстучала по позвонкам, всколыхнув в памяти ощущения, которых не должно было быть.

— Госпожа, жеваний уже достаточно, — мягко произнёс хранитель, но его голос окропил кипящим стыдом. — Прошу, сплюньте готовый камень на блюдечко, пока он не схватился во рту. Он может повредить зубы.

Но артефакт не угрожал её зубам. Литти отчаянно жевала массу, что крошилась на языке сухой кашицей, не клеилась, не сворачивалась, не мокла. Проглотить, имитировать

потерю сознания? Волны аплодисментов били по щекам, а в ушах стоял голос госпожи: «Запреты на обезличивание сняты». Так вот, почему он ушёл в запас! То, что произошло на озёрах, не должно было случиться между ними. Хворь, природный допинг, который делает безразличной к щекотаниям с любым, кроме одного единственного. Допинг, который артефакт тут же покажет в слюне. Ей нельзя было брать в рот артефакт! Холодные капли собирались у лба. Язык ворочал сухую труху, пытаясь слепить её хоть во что-то. Краем глаза она увидела, как дальние трибуны зашевелились. Люди уже начали шептаться. Хранитель кашлянул. Боршер больше не улыбался. Он смотрел с любопытством мясника, выбирающего часть туши. А во рту по-прежнему была только пыль. Давай же!

— Госпожа?

Литиция подняла взгляд на кентавра. Время вышло. Рассыпчатый или цельный? Она нагнулась к самому блюдечку и сплюнула.

***

На потолке гудел ковёр дрожащих светлячков. Их горьковатый запах стелился по кабинету, а свет спал на документы. Госпожа Лайони в пятнадцатый раз взмахивала рукой, заставляя чернила перетечь в текст с новыми правками. Пальцы побелели от талька. Но их вновь пришлось окунуть в баночку с порошком, чтобы это напряжение, звенящее в мышцах, не примешивалось к магическим импульсам. Тол-

стую чёрную косу женщина скинула с плеча. Не прошло и минуты, как рука непроизвольно, незаметно для её внимания, уложила косу обратно и гладила её, будто кошку. Не издавая ни звука, губы зачитывали финальные соглашения.

— Итак, — ей не удалось сдержать усталый вздох. — Трей Френикс будет обезличен на арене, непосредственно перед финалом, в качестве развлекательного элемента Игрищ. Текст для ведущей готовит Маскулистан, но Вы обязуетесь предоставить его на согласование минимум за сутки до самого финала.

Выталкивать изо рта слова было сложнее, чем целовать врага.

— Всё верно, — сипло отозвался лорд Эректон, грузно вдавливающий кресло в половицы, и вдогонку откашлялся. Его щёки покрывал нездоровый румянец, а глаза лениво разглядывали строчки документа, будто в них не было слов, а только картинки. — До того времени он остаётся под нашей юрисдикцией, но на территории Молочных Озёр. Ни к чему возить мальчишку туда-сюда через границу.

Сидя напротив мужчины, лорд Сингли, единственный гном в Противодопинговом Комитете, усмехнулся себе под нос.

— Парень, вероятнее всего, — лидер радикалов, — заметил он исподволь и чуть придвинулся в кресле. — В щекотливое время с его возвращением в Маскулистане может начаться... всё, что угодно. Принц Бадриан нашёл отличный

способ дистанцироваться от угрозы, удерживая юношу в губернии Феминистии, и, конечно же, отличный предлог для возвращения практики обезличиваний.

— Лорд Сингли, давно Вы занимаетесь внутренними делами моего королевства? — На порядок громче, будто они стояли в двух концах коридора, а вовсе не сидели за одним столом, обратился к нему Эректон. Его щёки вмиг побагровели, а пальцы сжались. Ещё не кулаки, но уже достаточно опасное напряжение, чтобы вызвать дискомфорт даже у наблюдателей. — Быть может, у Вас в Скротостане нет единичных ячеек запрещённой организации «Щепули»? Трей Френникс — мальчишка! Он может исповедовать всё, что взбрѣдет в его неокрепший мозг. И его детские забавы — последнее, о чём будет беспокоиться принц Бадриан!

— Ведь у него достаточно собственных, — пробормотал мужчина в бороду, и тишина, что легла после его слов на стол ледяным блеском, заставила эхо звенеть в ушах.

Одним взглядом Лорд Эректон вцепился в гнома прочнее, чем это бы сделали клешни. Он замер, подобно взведѣнной пружине, угрожая сорваться.

— Вы сейчас что-то сказали про моего правителя?

— Я могу сказать только лучшее о правителе Маскулистана, Его Величестве короле Робиусе. Однако к нашим заседаниям он вряд ли имеет отношение. Как и к этим Игрищам.

С грохотом кулак врезался в стол. Удар был такой силы, что вибрация отдалась в стенах комнаты. Один из ящеров

вздрыгнул. Где-то в груди подскочила острая игла жара. То, чего госпожа не чувствовала уже очень давно.

— Я требую, чтобы Вы сейчас же извинились! — вскричал Эректон, наставляя палец на гнома. — Принц Бадриан — законный наследник престола. Пока король борется с болезнью, его сын имеет полную власть, и Вы не смеее в этом сомневаться!

Обидчик и не смотрел в сторону лорда, словно того не существовало. Атмосфера накалялась со скоростью огненного шара, летящего с небес.

— Лорд Сингли, — обратилась Лайони к гному тоном холодным, но мягким, как ртуть, — у комитета сегодня много дел. Все посторонние детали, передачу арестованного под юрисдикцию Маскулистана, его содержание и наказание за осквернение ритуала Игрищ допингом мы уже обговорили. У Вас была возможность высказаться. Прошу уважайте регламент.

— Я приношу извинения, — с благосклонной улыбкой откликнулся гном, — что задержал комитет и увёл разговор от предмета заседания.

— Мы закончили с этим, — приказ госпожи звучал твёрже, чем гранитная плита.

Над ухом ещё пыхтело негодование лорда Эректона. С его стороны ощутимо шёл жар. Но она не оборачивалась, и он молчал.

Задержав тонкие пальцы над плавающими водорослями

текста, Лайони пробежалась глазами в последний раз. С каждой минутой за круглым, чуть вытянутым столом, занималось всё больше движения. Эльфы, что сидели рядом, сразу перешли на свой язык. Взмолнованный шёпот, точно ветер в зелёном саду, зашелестел с дальних кресел. Лорд Эректон, наконец, грузно вздохнув, отодвинул кресло, чтобы освободить пространство для живота.

— В таком случае, господа, перейдём к основной части нашей встречи. — Лайони с заметной усталостью щёлкнула пальцами над тканым листом. Текст перед ней сразу засиял золотом. Самцы всех семи королевств наперебой повторяли щелчки, отчего кремовая поверхность стола на секунду осветилась.

Во рту вязал привкус сонливости — следы бессонной ночи, глаза резали яркие облака за окном, безнадёжно сиреневое небо. Станет ли оно теперь когда-то вновь розовым? В мелких деталях панелей из слоновой кости прыгали блики, а небрежная мозаика на стенах, практически мраморная крошка, играла с лучами, как кошка с мышкой. Всё это давило на веки, вызывая желание прикрыть лоб рукой. Но госпожа Лайони задрала подбородок, строго оглядев собравшихся. Один из ящеров ковырял пуговицу безрукавки. На нём, как и на всех людях-рептилиях, официальный костюм сандалового дерева сливался с чешуёй. Образ становился комичным. Можно было надеть чёрный, как лорд Сингли! Но, видимо, некоторые полностью поддерживали вызов на Игрища

и им не требовался символ протеста.

Лайони поднялась, отодвинув стул с протяжным скрипом. Подъём, господа! Её каблуки цокали в направлении окна. Низкий столик давил издалека, смотрел на неё серебряными глазами подносов. Два стояли в центре, вложенные друг в друга. Остальные образовывали круг, и на каждом лежало по одному блюду с высокой горкой порошка. Тяжёлая платформа ударяла половицы. Каждый шаг давался всё сложнее. Напротив горок с порошком лежали пузырьки с жидкостями изумрудного, прозрачного, тёмного древесного цветов. Стоял и кувшин с водой. Всё необходимое для приготовления камня. Госпожа остановилась перед столиком. За спиной мужчины поднимались с мест.

Она подошла к сыпучим ингредиентам, задумчиво потирая ладони. Большой палец отогнул кружевную ленту на запястье, лёгким привычным движением. Тесёмка внутри пришла в движение. «Двух капель достаточно» — сложились серебрянные нити в послание из дворца и тут же вновь образовали узор, словно ничего и не было. Куда-то поверх ленты женщина смотрела глухим, погружённым в себя взглядом, когда её плеча коснулись. Она вздрогнула. Один миг, и пульс уже стучал прямо в горле, стоило ей обернуться. Перед ней стоял лорд Эректон.

— Прошу прощения, моя... госпожа Лайони, — заклокотал его голос тихо, будто из глубины пещеры.

Плавно, демонстративно медленно он опустил руку.

Дверь за последним членом комитета прикрылась с негромким щелчком, и в кабинете остались двое. Расстояние между ними, в котором едва бы смогла развернуться бабочка, говорило само за себя.

— Я забыла тот день, когда это было правдой, — произнесла она. — И Вы забудьте.

— Боюсь, это невозможно. — Едва слышный ответ, взгляд прямо в глаза, полное отсутствие какой-либо эмоции. То, что он говорил, и пустая мимика, с которой он это делал — чистый холст без намёка на каплю краски, внушало желание разгадать тайну.

Но тайны не было. Как и красок.

— Я буду готовиться к обряду, лорд Эректон. Вам следует переодеться вместе с другими мужчинами.

Но он, заслонив ей проход внушительным животом, на котором натягивалась безрукавка, очень глубоко и очень долго вздохнул. Он осматривал её от кончиков туфель, задерживаясь на каждом изгибе спортивной фигуры, которая уже никогда не забудет чемпионской подготовки, ныряя в глубокое декольте и нехотя поднимаясь выше. Резко прекратив это, лорд развернулся молча и ушёл. Ещё через мгновение за его спиной хлопнула дверь. Его взгляд, будто кисть, испачканная в нечистотах, оставил после себя вязкий след.

Кабинет опустел, и разом даже воздух в нём изменился. Стало суше. Госпожа Лайони обессилена вдохнула чуть травянистый аромат, сползающий с потолка, где светлячки бес-

помощно перебирали лапками, но оставались на месте. Они тихо жужжали. Липкий след, оставленный взглядом лорда, расплзлся по коже, как маслянистая капля по платью, согревая, прожигая, и наконец, разъедая до костей. Руки сбросили это ощущение, резко дёрнув безрукавку. Она здесь за делом!

В этот самый момент, пока каблук скрипел напротив высокого столика, за тысячи километров отсюда под голодные взгляды болельщиков выходила чемпионка. Лайони растегнула холодную пуговицу, вторую. Безрукавка слетела на пол. Соски сжались под рассеянным светом насекомых. Где-то под палящим солнцем толпа аплодировала первой паре спортсменов. Здесь — на потёртый пол беззвучно приземлилась длинная юбка. Потолок монотонно жужжал. Женщина вздохнула. Тонкие ленты корсета так туго стягивали рёбра, что она поморщилась. Чёрная кожа скрипела. Затянув корсет, застегнув туфли, расправив волнистую юбку и подобрав со столика последний элемент — кнут, госпожа расправила плечи. Далеко в оцеплении амфитеатра жевала артефакт чемпионка. Она жевала его неделю назад, и будет жевать ещё через неделю, если её не пленят, если она не оступится. Это её работа. А работа Лайони — подготовить артефакт должным образом. Снова. И делать это каждую неделю, пока её королевство не придёт к победе.

***

— Можно! — приказала она хлёстким голосом, и что-то

живое свернулось в ней в этот момент, чтобы зарыться поглубже и надолго замолчать.

Дверь за спиной распахнулась, впуская семерых мужчин, чьи босые ноги ступали тихо по полу, а мантии шуршали, подобно дождю за закрытым окном. Мокрый ветер разгулялся прямо под кожей. Это ощущение собственной чуждости, что каждый раз возвращалось перед обрядом... Плотно стягивая грудь, корсет отзывался на стук сердца, что билось в вихре воспоминаний. Они победили тогда, победят и сейчас. Главное — сделать всё правильно. Пальцы стиснули кнут. Она развернулась.

Шеренгу вошедших открывал представитель Маскулиста-на. Мантия так выдавалась на его животе, что делала фигуру бочкообразной и почти нечеловеческой. Мужчины встали вокруг низкого столика, где стояли подносы. Все расположились через равные промежутки, прямо напротив блюд. Осталось лишь небольшое место, где могла пройти женщина. Двигались заторможено, будто бы под водой. Без свечей, без затемнения, а солнце — свидетель их таинства.

Лайони подобрала тонкую стопку спиц. Каждая оканчивалась головкой с драгоценным камнем, и только одна была нетронутой. Прикрыв головки, госпожа протянула спицы в центр. Ни слова. Лишь шорох шёлковых пол, сопение Эректона, жар его дыхания, что становилось всё громче. Представители семи королевств не поднимали глаза, но она видела, как размашисто виляли хвосты ящеров, как раздувалась

грудь гнома, как блестели глаза мужчин. Каждый вытягивал по одной спице. Лайони досталась неокрашенная.

— Изумруд, — с придыханием, словно давал обет перед иконой, произнёс лорд Сингли, высоко подняв стальную спицу со сверкающим наконечником, — зелье усиления запахов.

Он надавил на драгоценный камень, и тот, в первую секунду с трудом поддавшись, легко открутился, обнажая острую иглу. Как брошь, гном надел спицу на мантию, закрепляя полы прочно друг с другом. По очереди все называли свои камни и допинг, обозначаемый ими. Глушители нервных кончиков, эликсир ярких иллюзий, снадобье подавления воли. С окна задувал лёгкий ветер, раздувая юбку и легонько оглаживая бёдра госпожи. Будто ей снова тридцать.

— Рубин! — Лорд Эректон вскричал вызывающе, точно стражница, оглашавшая найденные улики. — Приятно. Истинный маскулистанец вытянул жребий с символом его королевства! Что ж, рубин — это чистая вода. Мне досталось отсутствие допинга.

Сверкнув зрачками, он не спешил подходить к тому единственному подносу, на котором не было зелья. Весь корпус его развернулся к госпоже. Сопя ноздрями, натягивая мантию на животе тяжёлыми вздохами, он перемещался глазами по каждой детали корсета, по каждому миллиметру бюста. Крохотный пузырёк, зажатый в маленькой тёмной ямке между грудей, обжигал кожу. «Двух капель достаточно».

Именно в этой ямке завис взгляд Эректона. Ровно там, куда он смотрел, там, где остановилось её дыхание, кислотой закипали капли страха. Попалась! Вот, кого обезличат следующей за осквернение священного ритуала и за предательство доверия семи королевств, — её самой.

— Госпожа, разве это честно? — заговорил лорд хриплым голосом, будто лежал в тяжёлой болезни и каждый слог давался ему через боль. Кровь отхлынула в ноги. Сияющий кабинет был готов накрениться, и слова мужчины спутывались в неразборчивый ком: — Мы ведь не хотим нарушить ритуал инициации противодопингового камня?

Её раскрыли! Сердце перестало биться. Всю кожу одним рывком сдёрнули и полностью заменили на острый хрустящий снег. Она так громко сглотнула, что каждый из мужчин поднял голову.

— Что Вы имеете в виду?

— То, как Вы прекрасны. Ваша внешность — самый страшный допинг. Ни один артефакт не признает меня чистым сегодня, если я буду жевать в Вашем присутствии.

Комплимент, словно вода из лужи, окатил унижением и оставил в полном замешательстве. Но её не поймали. Шестеро наблюдателей застыли. Лорд же, стоявший напротив неё, улыбался. Сильно сползшее за годы лицо просилось сорвать его, точно маску. Жуткую, уродливую маску, заколдованную медленно высасывать личность из того, кто её надел. Грубые складки, словно чужие руки прорвавшихся из преисподней

существ, облепляли его, человека, казавшегося когда-то прекрасным, сегодня — тень, на которую было больно смотреть. Госпожа медленно отвернулась, не ответив ни слова.

— Во имя восьми королевств и гармонии, найденной благодаря священному ритуалу Щекотальных Игрищ, — заговорила она, открыв ладони, точно собирая капли дождя, и мужчины повторяли за ней слово в слово, вознеся руки к небу, — во имя всякой жизни, дарованной небесами и землёй, солнцем и луной, Богами и Богинями, мы, представители восьми королевств, с почтением просим эти камни, как символ единства четырёх стихий, живого и неживого, благословить на славное состязание избранных чемпионок и чемпионов! Да войдёт лишь чистый и чистая на маты! Да убоятся они всякого допинга, и да решат честные щекотания исход спора любого по воле природной, как тому и следует быть!

Одновременно мужчины откупорили пузырьки, каждый со своим зельем, изменяющим восприятие щекотки. Все, кроме одного. Лорд Эректон жарко откашлялся. С почтением, глубоко погружённый в обряд, он потянулся к кувшину, согнувшись ниже, чем требовалось, будто кланялся. За сосуд с водой, единственной «чистотой» среди эликсиров, он взялся двумя руками и принялся пить. Ящер вернул пустой бутыль на поднос, за ним повторил второй, третий мужчина. Маскулистанец последним поставил кувшин на столик. Воды оставалось ещё много, но он утёр рот, словно проделав большую работу.

— Не заставляй ждать, самец! — отчеканила госпожа, проставляя ударения, подобно барабанной палочке.

Руки уже распускали кнут. Кабинет задышал предвкушением. В волнении подрагивали мужские мантии, давя на неё, на госпожу, чьё дыхание тонуло в бульоне отвращения. Толстая шея мужчины с рубиновой спицей наливалась красными пятнами. За доли секунды её покрыл мокрый блеск.

— Ох, госпожа, слушаюсь и повинуюсь!

— Самцы! — Первый удар кнута раздался в воздухе. — Место!

Вразнобой мужчины повторили единственное, что им разрешалось сказать — «слушаюсь и повинуюсь». Зал быстро накалялся. Лапы из той же преисподней сдавливали тело через корсет, и желчный ком сворачивался в горле, но Лай-они задрала голову выше. Так припавшие к ногам мужчины не видели выражение, налипшее на её лицо потной тряпкой.

Самцы в низком поклоне на четвереньках, прикрытые шёлком, превращавшим их в живое воплощение мягкой мебели, ждали, пока женщина подойдёт ко всем по очереди. Каждому она отсыпала горсть порошка в маленькое блюдечко, точно в собачью миску. Кому с белой крошкой, кому с желтоватыми рассыпчатыми хлопьями. Высокая шпилька цокала между плеч, ящеры нетерпеливо размахивали хвостами.

— Самец почувствует каблук на спине, когда можно будет лизать!

Кнут ударил в воздухе. Это точка. Нога встала на ящера, и тот дёрнулся под её шпилькой, будто его ошпарило кипящим бульоном. Хвост забегал в стороны, а лицом мужчина уткнулся в блюдо, собирая языком каждую крошку каменной породы, как если бы она была лучшим лакомством во всей его жизни. Остальные ждали, не поднимая глаз. К сопению примешивалось рычание. Вот они, представители Братства Семи — объединения королевств, в которых первым, что видела рождённая девочка, было разочарование на лицах её родителей. Здесь по команде тупли они зарывались в блюдечко. Взмах кнутом. Едва шпилька коснулась второго ящера, его мантия содрогнулась в достижении рефрактерности. Кулаки так сдавили блюдечко, что оно расколосось.

— Высыпать на пол! — приказ слетел с губ немедленно. — А теперь благодари, что я позволила тебе лизать с пола и не резать язык об осколки.

Мужчина послушался. Блюдечки опустошались. Крошка набивала рты. Что бы ни хотелось сказать самцам, каша будущего артефакта мешалась. Чавканье стояло в ушах, вызывая мучительные позывы к рвоте. Лайони стёрла пот со лба. Оставался последний мужчина. Его спина не дрожала, не выгибалась дугой. Он возвышался ровной горкой, как пёс, сидящий возле калитки, а перед ним лежало всего несколько сухих комьев, похожих на горошины.

Со скрипом руки заматывали кнут. Ей снова придётся сделать это. Грудь вдыхала глубоко, на три счёта. Выдыхала

ещё медленнее. Разматывая кнут до конца, руки вновь начинали его заматывать. Она здесь госпожа. Она может брать столько времени, сколько нужно. Никто не посмеет сказать и слова. Разве что... почувствует её слабость. Нет.

Каблук упёрся в мягкость спины. Первым же делом Эректон расправил плечи. Вся его поза сообщала о власти. Стоя на коленях перед священной породой, уязвимой спиной к госпоже, даже наклоняясь к полу, чтобы подобрать горошины с блюдечка, он двигался с надменной уверенностью, присущей лишь лордам. Титул был в его крови, в костях.

— Снять мантию!

— Слушаюсь и повинуюсь, — чётко, будто у него во рту не было этих горошин, отозвался мужчина.

Стоя у него за спиной, она слышала эту ядовитую улыбку. Лорд Эректон подчинялся язвительнее, чем другие огрызались. Он оголил широкие толстые плечи, покрытые густым волосом, вывернул рукав, стягивая мантию ниже, открыл нависающие складки по бокам. Желудок содрогался от его вида, и, несмотря на это, жилы продолжали дрожать, словно перед ними стоял исполин, способный решать её судьбу.

— Жуй! — В приказе звенела обида юной девушки. Это не был голос власти. Тон полнился мезтью. Мезтью за сердце — в осколках. Она занесла кнут.

Удар. Спину окрасил малиновый след. Промычав сквозь стиснутые зубы, мужчина не шелохнулся. Кнут взвизгнул в воздухе, и громкий шлепок превратил полосу в яркий крест.

— Лишь чистые чувства! — Новый удар кнутом. — Покажи святой камень! — Размах. Удар. — Через жажду и боль! Через внутренние токи! Через жидкости внутри! Без всяких примесей извне!

Малиновые полосы испещрили кожу мужчины. Его плечи заметно чаще вздымались, а дыхание шумело сильнее, чем кентавр, достигший пика. Госпожа сложила кнут в руке в последний раз. Костюм скрипел от движений, точно смеялся над ней. Кожа стала чужой, покрылась невидимой грязью. Лицо не слушалось. Его будто вымазали в сливочном масле. Хотелось соскоблить верхний слой. Обе руки обмякли по сторонам.

— Сплюнуть! — Голос её прозвучал вяло, как если бы принадлежал той самой пережёванной массе. Соберись, соберись!

Гном, эльфы, мужчины из дальних королевств сплёвывали. Ящер над разбитым блюдечком аккуратно уместил рыхлую кашу на самом крупном осколке. Обслюявленные остатки, не годящиеся никуда, кроме компоста. Осквернение, допинг. У всех. И вдруг в кабинете раздался звон. Камешек. Светло-коричневый, пористый, мгновенно подсохший, как только лорд Эректон его сплюнул. Самцы смотрели на него с гордостью, словно бы лично обтачивали породу несколько дней. «Лишь чистые чувства. Без примесей извне». Как бы ни багровело лицо лорда от вожделения, как бы ни горела спина от боли, волнения, в теле не было допин-

га. И камень безошибочно это определил. Один только образец изумрудной пробы, чистой пробы, свернулся в оральный камень.

— Встать! — В этот раз голос прогремел рыком зверя.

Эректон медленно обернулся на звук, не спеша подниматься на ноги. Из всех мужчин он повиновался последним и не сводил глаз с госпожи, как змея не сводит глаз с жертвы. Лайони уверенно шагнула к столу. Два центральных подноса она разложила рядом друг с другом. В последнем оказались лоскуты. Блестящая ткань, напоминающая металл, с сапфировой вышивкой в середине. Она разложила знамёна Феминистии на обоих подносах.

— Госпожа... — откашлявшись, шепнул Эректон и замолчал, ожидая, что этого короткого замечания самого по себе будет достаточно.

— Я ещё раз напоминаю, что Игрища проводятся на территории Феминистии, — заметила Лайони безразлично, как если бы обсуждала погоду с торговкой овощами. — Более чем естественно помечать посылки, идущие в королевство, соответствующим знаменем. Я могу оставить второй поднос непомеченным. Уверены, что желаете подавать своим чемпионкам и чемпионам артефакт без обозначения?

— Госпожа, я говорил это на прошлой неделе и повторю на этой. И уверяю Вас, я буду настаивать на этом впредь. Для чемпионов Маскулистана присутствие враждебной символики на подносе будет равноценно оскорблению. Я прошу

Вас этого не делать. На всём пути артефакт сопровождают хранители. Все и так знают, куда следует доставить посылку.

— Ваше право. — Едва заметная улыбка на мгновение проступила на её лице.

Второй лоскут остался на столе. Госпожа начала пересыпать все порошки, уже испытанные в живом эксперименте, уже показавшие безупречную работу, в два центральных подноса. Порода ссыпалась с шипением, поднимая в воздух лёгкую пыль. Крошка отдавала сыростью, мелом и лёгкой молочной ноткой. Как мука и пряности в поварском тазу, медленно все ингредиенты соединялись. Дыхание самцов замерло. Как дети, они пересыпали горстки белого песочка со всей серьёзностью. Казалось, одно неверное движение, и весь дворец взлетит в воздух. А разве не так и следует относиться к ритуалу, обеспечивающему сохранность жизни на всей земле? Тяжёлыми пальцами стыд надавил на веки. Вновь госпожа подняла подбородок выше, чтобы дрожь её губ не заметили.

— Готово, — прошептали самцы себе под нос.

Теперь самое важное.

Семь пар рук погрузились в две равные горки порошка. Лайони подняла кувшин. Мгновение трепетной тишины, и струя воды зажурчала на руки. Месили все семеро. Неторопливо, усердно, раздавливая каждый комочек. Гулко кувшин приземлился на столик. Тогда к таинству присоединилась женская пара рук. Их пальцы касались друг друга, сплета-

лись, продавливая холодные массы наружу. Начало чавкать. Длинные рукава мантий елозили, покрываясь белым налётом. Проталкивать пальцы вглубь становилось всё трудней. Артефакт схватывался. Ждали Лайони. Как только она отлепила руки от быстрозастывающей массы, они остались чистыми. Мужчины мигом повторили за ней. Два подноса, два одинаковых камня, один лоскут для Феминистии.

Пульс настойчиво ускорялся, постукивая горячей кровью в висках.

— Бесцветный! — Женщина продемонстрировала свою спицу без наконечника. Грудь вздымалась, как после пробежки. Главный, законченный образец — замешанный камень, что выявит любой допинг, даже самый сильный: — Влюблённость.

В четырнадцать рук мужчины взяли за подносы и поднесли оба к лицу госпожи, как к чемпионке. Момент истины. Готовый артефакт. Все капюшоны склонились в почтении перед святыней, кроме одного. Лорд Эректон. Он смотрел прямо ей в лицо. Змея, выбирающая момент для нападения. Хорошо, что он смотрит! Лайони потянулась, словно собиралась поцеловать хрупкий камень, и нежно надкусила. Настоящее касание девственницы. Наблюдая за ней, лорд улыбался. Подносы медленно опустились на место. На зубах сваливались крупички в липкую массу. В голове — в последнем танце кружились лица прошлого, голоса, её яркие глаза в отражении, большие, как у ребёнка, когда она впервые пе-

реступала порог дворца международных отношений. Её первые неловкие реплики в разгар дебатов, когда ещё никто не слушал. И лорд Эректон, когда его имя заставляло сердце биться.

Воздух с привкусом пыли наполнил лёгкие. Зубы перетирали что-то творожистое, и с каждым новым движением оно становилось всё твёрже.

Готово. Она сплюнула. Едва соскользнув с губ, камушек схватился и ударил о блюдечко. Брякнул звон. Семь голов встрепенулись. Семь ртов ахнули. Она неторопливо поставила блюдечко возле камней.

— Комитет может ставить подписи, — заключил её безучастный голос. — Артефакт готов к оценке чемпионки.

— Но госпожа?

— Как подписи?

— Камень признал Вас чистой.

— А я чиста. — Сухость гудела в её словах поминальной тяжестью. — В Феминистии любой желающий может излечиться от хво... от влюблённости. Даже женщина. Артефакт готов, он безошибочно показал моё состояние: я не влюблена. Мой разум свободен от допинга. — Вдыхая эту паузу, как самый желанный бриз в первом отпуске за шестнадцать лет, она завершила обряд: — Благодарим камень и силы природы, его создавшие! Благодарим Богов и Богинь, Солнце и Луну, небеса и землю, даровавшие нам четыре стихии и возможность населять землю жизнью среди нежизни.

Мужской шёпот вторил каждому слову. Растерянные, но верные обряду, самцы стояли с раскрытыми ладонями, возведёнными к небу до тех пор, пока госпожа их не отпустила. Вновь они кланялись. Их фигуры исчезали за дверью. Лорд Маскулистана задержался снова, но в этот раз не заговорил. Его лицо долго хмурилось. Маленькие круглые глаза буравили непроницаемую маску между ним и той, над кем больше не властвовали. Но эта игра ничем не закончилась. Молча он развернулся и вышел.

Тишина не наступала. Каждую секунду за дверью были слышны голоса, приглушённый смех, разговоры. Кто-то шёл по коридору далеко за стеной, но звук отчётливо стучал в ушах. Лайони поймала себя притаившейся в пустом кабинете. Да никто сюда не зайдёт! Разморозившись на секунду, она тут же замерла снова. Кто-то стоит за дверью? По теням в проёме ничего нельзя было разобрать. Блики прыгали на половицах. Собственное сердце мешало прислушаться. Шумы замирали, и вместе с ними замирало дыхание. Вновь гогот между кабинетами, и госпожа суетливо обтёрла лоб. Соберись же!

В горле ужасно сушило. «Двух капель достаточно» — стучало в висках в такт удаляющимся шагам. Вспотевшие пальцы выудили из бюстгальтера пузырьёк. А вот и последний ингредиент. Победит сильнейшая. А сильнейшая — та, кто готова переступить больше границ. В горле затвердел ком. Ещё немного, и горячая капля со лба слетела бы прямо на стол.

Она откупорила крышечку. «Богини и Боги, простите меня, я защищаю самое ценное». Ярко-синяя капля разбилась о камень. Крупные поры почти мгновенно впитали последний оттенок синевы, и тут же на них приземлилась новая капля. Женщина торопливо закрывала пузырёк и промахнулась по горлышку. Вторая попытка, ещё суетливее. С третьего раза крышечка встала на место. Бутылёк, не крупнее мизинца, юркнул в складку декольте. Испуганно женщина глянула на камни. Идентичны. Никакого намёка на вмешательство. Но никакого разоблачения в случае влюблённостей для дочерей Феминистии.

***

Поры крупные, рыхлые. Они смотрели прямо в глаза. В затылке продолжал стучать набат. Слепящие лучи бросались в глаза. Всё до последней капли Литти вывалила на блюдечко. Рассыпчатый, безнадёжно испорченный творожистый продукт. Сердце пропустило удар. Солнце над ней померкло. Ледяной призрак обезличивания вторгся в грудь и вырвал дыхание, как вдруг, будто по волшебству, кашлица начала слипаться в один цельный комок. Не может быть! Ресницы взлетели, в неверии раскрывая глаза. Камень склеился за считанные секунды. Она не хворая, не под допингом! Артефакт её признал.

— Позвольте нанизать на Ваши оральные бусы, госпожа?
— Да! — выпалила девушка и рассмеялась.

В прыжке она развернулась спиной к хранителям, собирая

волосы на плече. «Ну, что, капитан, съел?» Быстрым взглядом, цепким, как кошачий коготь, она глянула на чемпионскую ложу противников. Среди красных и жёлтых пятен далеко на трибунах главный обидчик не выделялся. Но одно особенно сторбленное пятно выглядело узнаваемым. Чемпионка расплылась в ехидной улыбке. Болельщицы вопили с неправильным ударением её имя. Ветер задувал пряди в глаза. В царской ложе, горящей золотом под солнцем, с места поднялась тренериня. Её фигура, через арену плохо различимая, сделала несколько шагов к краю. Радость спортсменки сдуло мгновенно. Привычный холодок, каждый раз вползающий в плечи, когда советница вонзала в неё пристальное внимание. Её взгляд нельзя увидеть с такого расстояния. Но можно почувствовать. И она чувствовала. Руки сковало желанием защититься. В один момент тренериня подалась вперёд. Присматривалась? Они всматриваются друг в друга? Секундой позже госпожа стремительно уменьшилась, и вдруг исчезла с видимой части трибуны.

Сердце забилося бешено. Глаза в панике стали искать нежно-розовый комбинезон между патриотических плакатов, в рядах скандирующей толпы. Она ничего не сделала, чтобы бояться наказания! Это нелепо! Но тревожные ужи вертелись под кожей, протирались так же, как всего минуту назад протирались на её зубах известковые крошки. А потом просто сложились в целый камень.

— Поздравляю с допуском, госпожа! Вы можете начинать.

Она неуверенно сошла с белого коврика и обернулась. Хранители уносили артефакт, магический камень, который нельзя подделать. Как тату с результатами. Или свидетельство о родителях. Или как информацию о золотых самцах. Или можно? Холодная шаль сомнений легла ей на плечи. В голове зарождался незнакомый, навязчивый шёпот.

***

Волосы ниспадали спутанным колтуном. Сколько раз за них дёрнули, как за шлейку? Голова раскалывалась. Капли пота закипали под палящими лучами прямо на её теле. Горячие липкие следы стекали к животу, и он невольно сжимался. Бардовые синяки горели на бёдрах. Рёв толпы. «Роялни, Роялни!» Всего пару дней назад они кричали имя эльфийки. Сегодня их звезда она — Литиция, девушка, которой не нужна династия и годы опыта. Нужно только щеко-таться. Ведь совершенно не важно, кто она. Глубоко вдыхая триумф, она подняла подбородок. Сотни тысяч глаз, самцы, приезжие. Ураган воплей кружил голову. Одежды на ней не осталось. Тело говорило с толпой. Грудь вздымалась тяжело, будто на плечах она держала коромысла. Но руки свисали по бокам, не чувствуя себя после раунда. Ветер раздувал мокрые волосы, остужал на один миг, и вновь жар вгрызался в шею. «Кричите». Брови сдвинулись в требовательном выражении. «Кричите!» У её ног использованной салфеткой валялся кентавр. Он даже не пытался встать и гордо принять поражение. Лицо парня, будто масло на холсте, смазанное

гневым рукавом художника в тёмную кляксу, говорило без слов, каким ударом для чемпиона приходится проигрыш малоизвестной девушке.

Сделай это! В груди забился маленький гневливый огонёчек. Прыткими язычками он обжигал кожу изнутри. Литти послушалась. Её шпилька воткнулась в живот проигравшего, и амфитеатр взорвался воплями. С трибун летели проклятия, восхваления, обещания расправы и признания в любви. Она задрала подбородок выше. Кричите!

***

— Госпожа, дикари могут быть опасны в пределах лагеря, если Вы... — Слугу Литти оборвала вскинутой ладонью.

Ноги уверенно протопали в логово чёрных шатров. Пыль вместо тропинки, кривые палатки, списанные лет десять назад, не пригодные даже для тряпок, ни одного цветка. Единственным ярким пятном на весь лагерь была сфера, парящая над палатками, что стояли беспорядочно, натыканные как грибы на лесном покрове. И ни одной чемпионки или самца. Где все? Чем глубже в лагерь, тем резче становился запах въевшегося пота, смешанного с туалетной водой в пропорции, способной вызвать остановку дыхания. Девушка вышла на длинный, по-настоящему огромный шатёр. Его высота должна делать лагерь заметным ещё с амфитеатра. Купол перешивали несколько раз, облепив заплатками, которые всё равно расходились. Перед входом покачивались на ветру две полы. Ни тебе твёрдой доски для стука, ни сфе-

ры, чтобы известить о прибытии. Литти оглянулась вокруг. Ни души. Из-за полога доносились голоса. Если там команда обсуждает стратегию, то слишком поздно, учитывая, что первый раунд только что закончился, а второй начнётся буквально через несколько минут. Она отогнула штору. В лицо ударил запах кислых щей. Так же пахло дома в её раннем детстве в тот короткий период, когда папа был дома, когда мама часто кричала на него, а Литти была единственной, что вызывало на его лице улыбку. Но позже появилось проклятое слово «работа», а с ним и ароматные гуси, всегда свежий салат и булочки, что пахли выпечкой и... Воспоминание вспорол, как ланцетом. «Биологические родители неизвестны». Она стряхнула непрошенные мысли, теплоту, возвращенную на лжи, и вошла под шатёр.

Её окружила просторная тёмная столовая. Тут было в два раза жарче, чем на улице. Женский высокий стол почему-то был занят самцами, а все чемпионки, подобно мраморным статуям, сидели, не шелохнувшись, перед полными тарелками, не поднимали глаз, не открывали ртов и держали ладони прижатыми к ногам неподвижно. Большая часть стола пустовала. После восьмой финала здесь освободится ещё больше места! Парни, хоть их и было не больше восьми, в это время во всю голосили. Литти оглушило выражениями, от которых уши свелись на затылке. В размашистой жестикуляции спортсмены разливали напитки, шлёпали друг друга в плечо прямо во время еды. Господствовал хаос. Но очень

скоро на гостью стали указывать пальцами. Разговоры стремительно затихали. Последний возглас оборвался, как срезанный, и два длинных стола погрузились в тишину. Возле самцов запах щей смешивался с приторным мускатным экстрактом, от которого темнело в глазах. В дальнем конце поднялась плечистая фигура. Решительно перешагнув скамью, с уверенностью лучника, только что подстрелившего зайца, Бул двинулся на гостью. Тишину сменил шёпот. Спортсменки не шелохнулись. Едва Литти собралась встретить капитана едкой фразой, он схватил её за руку и вытолкнул из шатра.

— Как ты смеешь!?! — Она высвободила руку рывком и отпрыгнула. Возмущение ошпарило лицо. Слова застряли на губах, заставив глотать воздух в недоумении.

— Как я смею? Это лагерь Маскулистана! — В его агрессии угадывалась театральность. Он напряжённо оглядывался к столовой, и это с потрохами выдавало его волнение. Весь этот кичливый порыв был лишь сценой.

— Это лагерь в губернии Молочных Озёр, Бул. Здесь всё — Феминистия.

Чемпион наступал мускулистой стеной, пока не упёрся вплотную. Кожаные лоскуты, в которые одели их команду, сегодня походящую на насекомых в объёмных панцирях, пахли потом. На контрасте с удушающей, едкой туалетной водой под куполом столовой, горький пот даже казался приятным. Нос втянул его глубже, чем следовало, не сумев остановиться. И ещё, и ещё. Резко Литти сбросила наваждение

и задрала голову, но глаза лишь упирались самцу в подбородок.

— Мне самому тебя подвинуть?

— Самомнение своё подвинь, — без раздумий огрызнулась она. Её тело не шелохнулось. — Назначил тайное щекотание, а сам сбежал с арены. Тебя разжаловали за трусость, капитан?

Фигура пошатнулась. На секунду показалось, он ударит её, и под ногтями уже заискрилась защитная магия. Но он лишь навис над ней облезлым покрывалом, скатавшимся в грубой стирке и отмокающим на столбе.

— Ты чего пришла, Роялни? — Была в его взгляде какая-то болезненность. Что-то, негласно внушающее ей власть. Её власть.

— Посмотреть тебе в глаза! Ты хотел напугать меня своим именем. Но я не испугалась. Ты понял, что тебе не победить меня. И сбежал с состязания за считанные минуты до старта. Ты знал, что у меня не будет времени подготовиться. Какие же... подлые вы, маскулистанцы!

— Мне жаль, Литиция, что так вышло, — вдруг сказал он. Тон потерял всякую театральность, слова шли тяжело, словно у подсудимого, дающего последнюю речь.

Литти шарахнулась от него, и тут же парень повёл их подальше от штор, куда-то вглубь сырых, шатающихся на ветру палаток. Руку она скинула. Дёрганой походкой овечки, подгоняемой пастухом, она оказалась в незнакомом лугу. Шаг в

сторону, поворот кругом, и вот в спину упёрся полог чьей-то палатки, а перед лицом возникла широкая грудь. За плечами капитана развевались луга вереска, блестели белёдые озёра, но прямо перед лицом надувался кожаный панцирь, пропотевший, а металлические застёжки скрипели от каждого вдоха. Его плечи неумолимо давили с высоты его роста, прижимая к гобеленам спиной. Несколько раз она обернулась, импульсивно и бездумно, вздрагивая от прикосновения грязной палатки.

— Как ты это сделала? — Он заговорил совсем тихо. Не шёпотом, но его бас так осип, что создавалась иллюзия общения с кем-то потусторонним. По коже побежали мурашки. Его пальцы приподняли тонкую прядь её волос. Пятна, словно расплывшиеся чернила, бледно проступали по всей длине. Брови капитана нахмурились. — Ты что-то сделала, чтобы пройти артефакт?

— Это природная особенность! Ничего я не делала! — Она выхватила прядь и откинула за спину. Туфли попытались отступить ещё на шаг, но тут же вжались в гобелен. Невозмутимо она дёрнула головой и выставилась на парня. — Для того, кто привык побеждать только допингом, это странно, я понимаю. Но у нас, в Феминистии...

— Я знаю, ты почувствовала то же, что и я. Там, на озере. Всё время его взгляд бегал по её лицу, словно бы на ней мигали огоньки, а он пытался уследить за ними. Он ловил их в её зрачках, на прядях, на губах, и лицо его хмурилось

в муке.

— Я почувствовала, что ты проигрывал.

На секунду он улыбнулся.

— Издеваешься? Ты просила не отпускать тебя. Литти...

— Лицо самца неожиданно прильнуло к волосам, и он жадно потянул носом, зарываясь в серебряных прядях.

Руки выставились перед ним резко, мышцы сжались. Всё тело как по команде изогнулось к нему. Ладони сами легли на мощную грудь. Та вздымалась тяжело. Взмокнув от жара касаний, его грудная клетка стучала в такт её сердца. Настойчиво. Так же, какими были движения в ту ночь. Мысли спутались. Пальцы, что всего секунду назад отталкивали капитана, теперь льнули к нему, как растения к солнцу. Его рука поднималась по талии, обжигая сквозь платье. Запрещённая магия. Он точно пользуется чем-то, что плавило тело в его руках! Его губы — растопленное масло на коже — прильнули к шее. И вдруг вспышка! Прямо в голове. Королевское знамя, сапфировый блеск, неподвижная осанка Трифти, когда её почти пленили проклятые дикари — всё ворвалось в разум одним молниеносным ударом по темечку. Острее шипа. Точнее, чем топор древокола. Их неуместная связь раскололась внезапно. Искра, которую она сама не успела понять. Рефлекторно в пальцы ворвались внутренние токи, и с треском разряд впился в горло противнику.

Крик. Парня отбросило на метр. Зажимая изгиб подбородка, будто бы из шеи шла кровь, он тарашился ошалевши-

ми глазами на девушку и дышал громче, чем тягловая собака после погони.

— Магия? — На первом же слове он поперхнулся собственным удивлением. Литти шагнула в сторону от шатра, а Бул боялся перед ней разогнуться и никак не отнимал руку от шеи. — Откуда в тебе магия? Ты владеешь проточностью! Как!? Ты... ты же... женщина.

Короткий щекотливый дурман рассеялся окончательно. Самец напоминал загнанного суслика. Она неловко заправила прядь волос.

— Бул, все женщины владеют проточностью. Ты чего такое несёшь?

— Все женщины!?! — Наконец-то он выпрямился, но место удара придерживал, будто это могло помочь. — Что-то я ни разу не встречал женщину, которая бы владела сильной магией!

— Эм... дирижериня Игрищ? — Литти загибала пальцы. — Представительница Феминистии в Палате Международных Отношений, представительница в противодопинговом комитете, королева Виктория, тренериня королевской лиги. Мне продолжать? Любая женщина, Бул!

Парень открыл рот, чтобы ответить, но замер на месте. Взгляд крутился растерянным зверем, и в бессильной позе спортсмена на мгновение девушка узнала себя. Не точно ли такое же выражение видел на ней капитан, когда они встретили золотых самцов, и когда картина, которую она знала с

детства, вдруг дала трещину. Святые небеса! Женщины его королевства что, правда не владеют магией? Но это невозможно... Её голос быстро сковало холодом:

— Конечно, во мне есть магия, Бул. На что же ты рассчитывал, нападая на девушку позади шатра?

Мысли сползали по телу ледяным обручем.

— Нападая? Я тебя поцеловать хотел!

— Что хотел? Поцеловать? Я тебе кто, твоя мама?

— Что? — Он морщился, точно старик перед доской объявлений, ведущий носом по строчкам и всё равно не различающий букв. Литти скривилась и поняла, что может выглядеть так же.

С озёр задувало прохладой. Тело после состязания уже сильно остыло, но платье впитало весь пот и теперь висело на ней морозной вуалью. Она неловко попятилась.

— Стой, Литти. — Парень шагнул к ней. Лишь сейчас он перестал придерживать шею, и под ладонью оказался заметный фиолетовый след. — Ты воспитана... в этой жуткой системе, я понимаю. Не знаю, откуда у тебя магические способности, но это не важно. Послушай, — он попытался взять её за руку.

Она одёрнулась. Туфли оступились в траве на мгновение, и эта крохотная полянка позади вражеского лагеря всё больше становилась карикатурной. Что она вообще здесь делает? В вонючих зарослях, возле затхлой палатки, чёрной, точно бы её прокоптили в трубе, возле капитана, либо медленно

теряющего рассудок, либо пытающегося сбить с толку её.

— Мы враги, я понимаю. — Он будто разговаривал сам с собой, то пряча взгляд в пустом пространстве, то разглядывая каждый миллиметр её лица. У него на лбу уже выступил пот. — Вернее, считаемся врагами. Но Маскулистан здесь, не чтобы уничтожить вас, а чтобы спасти. Таких, как ты, Литиция. Ты ещё не заражена этой ненавистью к мужчинам. Я же помню, как ты прикасалась ко мне...

— Я тебя щекотала, Бул. О чём ты вообще говоришь?

Он снова улыбнулся так, будто она с ним шутила, и всё больше походил на комичную пародию на самого себя, неуклюжую и нетрезвую.

— «Не отпускай», — произнесли его губы неслышно, как секретный пароль, а в глаза вдруг словно стекли все реки когда-либо существовавших печалей. — Ты не врала в этот момент. Я знаю, ты это чувствовала.

Томная пелена на зрачках, затаившееся дыхание, мольба, что сжимала его лицо в болезненном выражении и взгляд, опьянённый и мечущийся от её глаз к губам, жаждущий и безвольный.

— Не может быть... — Осознание затрепетало в груди лёгкой игривой пульсацией, как в тот момент, когда видишь идеальный лоскут на экзамене, на котором написаны исключительно те вопросы, что ты знаешь лучше всего. Рот растянулся в улыбке. Она просияла. — Ты захворал, капитан? Захворал ко мне!? Ха!

На одну секунду её смех привёл его в чувства. Он даже выпрямился.

— Что значит «захворать»?

Она вновь рассмеялась. Осанка выгнулась кошечкой, бедро выступило вперёд. Собрав губы бантиком, Литти игриво провела пальцем в воздухе, обрисовывая фигуру спортсмена. Теперь она могла шагнуть ближе. Этот самец не опасен. Он — её личный трофей.

— Значит, что ты сдашься без состязания. — Интонация, с которой обращаются к детям. Ей не удавалось больше видеть в нём равного. Двумя пальцами она пробежалась по пуговицам на его рубашке, заставив проводить их взглядом, и с задором ребёнка щёлкнула его по носу, а затем вновь рассмеялась. — Скажешь команде последовать твоему примеру? Ой, ты же больше не капитан. Я и забыла. Это из-за меня?

Его лицо изменилось. Он отшатнулся, будто секунду назад видел сон. Рукавом он стёр со лба испарину и посмотрел на Литти так пристально, что щёки защипало стыдом.

— Хворь? — Эта усмешка была грустной. — Это, пожалуй, единственное в вашей культуре, с чем я согласен — я болен. Здоровый мужчина не будет испытывать подобные чувства... к такой, как ты.

Слова опрокинули на неё таз с тлеющими углями. Парень зашагал в лагерь, оставляя её за спиной, а щиплящие искры кололи кожу, будто сотни маленьких птиц, вонзавших

клювики прямо в плоть. Пальцы коснулись угасающего следа на шее, оставленного губами самца. Её только что назвали непригодной для хвори? И что обидного в том, чтобы быть непригодной для хвори!? Она обняла себя и потянула носом. В воздухе ещё оставался шлейф его пота, и короткая дрожь пробежалась по жилам. Она оглянулась несколько стыдливо. Ей не стоит находиться в этом лагере. Да она и не хочет! Сферы щебетали, готовясь объявлять второй тайм. Её ждёт команда! Гордо дёрнув плечами, Литти двинулась к выходу.